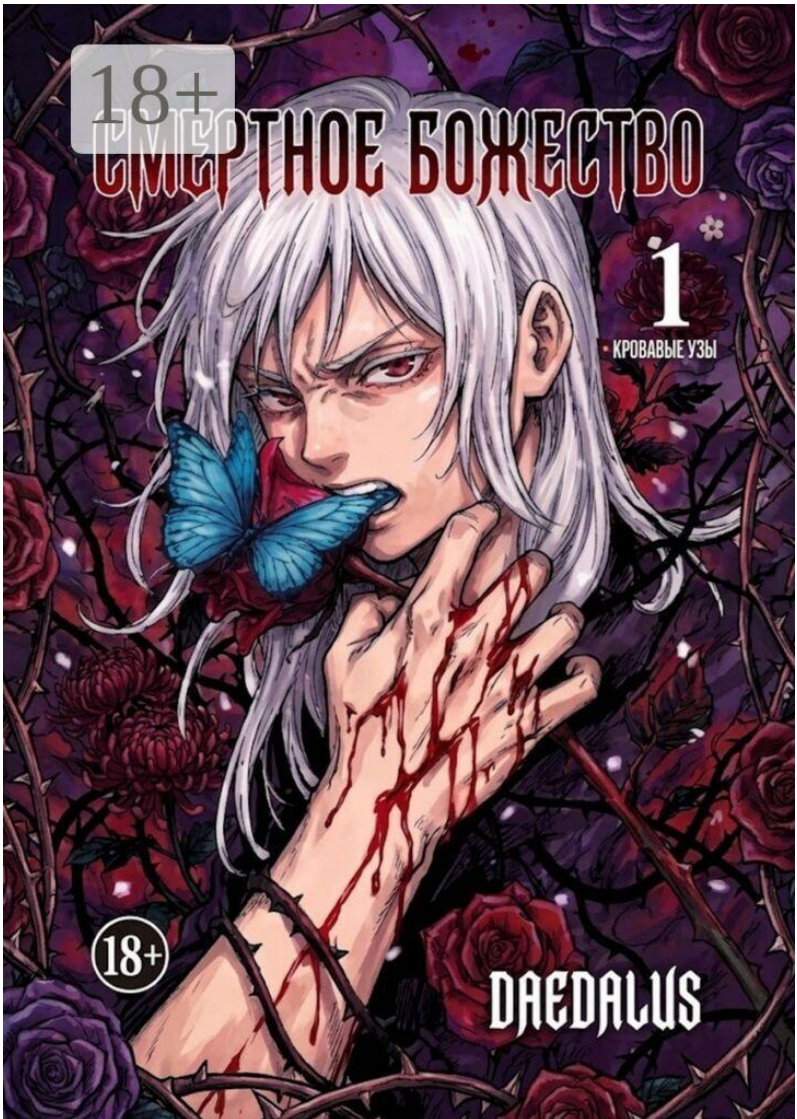

18+
СМЕРТНОЕ БОЖЕСТВО
1
КРОВАВЫЕ УЗЫ
18+
DAEDALUS

Daedalus Daedalus

Смертное божество. Том 1. Кровавые узы

https://litres.ru/74834113
ISBN 9785007160285

Аннотация

Рай переполнен. Подвиги — ведут к его вратам. Бессмертным скучно. Умереть ради бессмертия — обычный риск для Драконоборцев и Истребителей, по первому приказу рвущихся в бой с демонами. Элиот не мечтал о тихой смерти в теплой постели. Но, столкнувшись сшитой тварью и оказавшись отравленным проклятой кровью, он вынужден сжать пороховой клинок безумного алхимика — и встать на пути у тех, кому стало слишком скучно в Раю.

Содержание

Глава 1. Пламенный узор 5
Глава 2. Решимость на закате 15
Глава 3. Пламенный отряд Бронзоборода 26
Глава 4. Тени жатвы 43
Глава 5. Опаленная сталь 55
Глава 6. Между светом дня и тенью нежити 69
Глава 7. Сумеречный путь 82
Глава 8. Город мастеров 93
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Смертное божество
Том 1. Кровавые узы

Daedalus

© Daedalus, 2026

ISBN 978-5-0071-6028-5 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-6029-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пламенный узор

Империя Аркадия, 802 год
Эпоха Трёх Бурь…

Деревню сегодня ждала проверка, но отец всё равно поднял меня затемно и погнал к реке. Только вот дичь бесследно разбежалась, а на ревнителей теперь точно нарвёмся. Я пнул серый, обкатанный водой камень. Пальцы чесались зашвырнуть его подальше — желательно вместе со всей моей жизнью на окраине Аркадии. Короткий замах — и булыжник с силой улетел в поток. Он запрыгал блинчиком, оставляя быстро гаснущие круги. Даже река здесь ничего не хранила надолго. Второй камень улетел в заросли на другом берегу. Кусты резко взъерошились. Я отшатнулся, ожидая худшего, но из листвы лишь выпорхнула испуганная птица. В этот раз пронесло…

Жить на краю Аркадии — значит вечно оглядываться. Здесь благословение Солнца едва касается земли, так что всё решает удача: сегодня ты выследил оленя, завтра какая-нибудь тварь выследит тебя. Леса кормят нас, но по дорогам вечно тянутся пыльные обозы на фронт. Работа для охотника есть всегда, но эта грызня за выживание — совсем не то, чего я хочу.

Я откинулся назад, щурясь на солнце. Тепло приятно раз-

морило. Отец любил повторять:

«Мир вокруг нас идеален, а желание изменить его — лишь пустая гордыня».

Удобно устроился. А вот моя правда звучала куда паршивее: я хотел перемен, но понятия не имел, с чего начать. Ещё я знал, что отец найдёт меня раньше ревнителей. И тогда вся эта сонная тишина рухнет. Он просто раздавит меня своим «авторитетом», как я сейчас — траву под собой.

Мысли окончательно растворились в солнечном свете. Я задремал… или почти задремал…

— Сынок, эта река… какая она для тебя?

Голос отца пробился сквозь пелену сна, и я поморщился.

— Ну что за вопрос? Мокрая… — выдавил я, нехотя потягиваясь.

Его привычная ухмылка дрогнула от злости.

— Мокрая, да?..

— Какой вопрос — такой ответ.

Зря я это ляпнул. А вот и расплата: крепкие пальцы вцепились в пояс и воротник.

— Мокрая?! — рявкнул отец, швыряя меня в воду.

Я едва не впечатался лицом в каменистое дно и выскочил на берег в ту же секунду, с силой оттолкнувшись от скользких камней.

— Холодная! — крикнул я, озираясь на исцарапанную ладонь. — Ты что творишь?! А если сломал чего?!

Холод мгновенно стянул кожу. Я задрожал под ветром,

до боли прикусив язык, чтобы не выдать стук зубов. Быстро расшнуровав сапоги, я выплеснул из них воду. Как назло, внутрь забилась какая-то склизкая речная зелень…

Отец, скрестив руки на груди, буравил меня тяжёлым взглядом. Дождавшись, пока я обуюсь, он сухо процедил:

— Учись соображать, а не только под ноги пялиться! Тебе восемнадцать, Элиот. Ты же читал Аврелия — так учись мыслить шире!

Он хотел сказать что-то ещё, но его взгляд метнулся мне за спину.

Я подавил вздох. Молча стянул и выжал мокрую рубаху. Мать не зря твердила: бывших разведчиков не бывает, и отец — живой тому пример. Я сполна хлебнул его сурового воспитания; правда, с сестрой он куда добрее, чем со мной.

— Элиот, смотри… — тихо сказал отец, протягивая мне лук со стрелой.

Неподалёку от нас, прямо у воды, замер небольшой олень.

«Странно… Моё падение в воду услышал бы и глухой. Любой зверь давно бы скрылся…»

Я поднял лук и замер: ждал, когда он наклонится к воде. Шум реки скроет щелчок тетивы. Но олень не двигался. Его глаза заволокла мёртвая пелена — ни страха, ни жизни. Только глухая, неестественная пустота. От этого взгляда по спине пополз холодок, и лук в моих руках сам собой опустился.

Шёпот отца я расслышал не сразу:

— Чего ты медлишь?

Слова вернули мне ясность. Взгляд сам зацепился за цель, пальцы привычно измерили ветер. Дождался момента — и одним движением натянул тетиву, пустив стрелу в глаз. Я затаил дыхание, пока туша оленя не сползла к воде.

— Молодец, меткий выстрел, Элиот! — подбодрил он, хлопнув меня по плечу.

С ранних лет лук лежал в руке как влитой — заслуга старика Клавдия, пока тот ещё не слёг со спиной.

— Не тяни, давай заканчивать, — сказал отец, вручая мне колчан.

— Иду…

Оленья кровь мутила воду. Вытащив на берег тушу, отец аккуратно извлёк стрелу из глазницы, не обломав наконечник. Быстро промыв её в реке, он повертел её пальцами и передал мне. Лёгким движением я закинул её в колчан. Отец внимательно окинул взглядом тушу целиком. Прощупал живот, запустил пальцы под шерсть в поисках скрытых ран. Ополоснув руки, он достал небольшую тряпку и замотал морду оленя, закрывая ей рану.

— Терпеть не могу, когда кровь и слюни пачкают спину.

«Неужели показалось?..»

— Приятного мало…

— Ну ладно, собрались! Нам это ещё до деревни тащить.

Закрыв спину и голову старым плащом, мы взяли оленя на плечи, придерживая тушу за ноги. Мокрая одежда тянула к

земле, да ещё и лук в руке мешал. Мне не терпелось поскорее покончить с этим и вернуться домой. Собрав остатки сил, я кивнул, и мы двинулись в сторону деревни.

На полпути мы заметили впереди несколько силуэтов. Бело-красные сюрко мелькнули между деревьев.

— Вот сдалась нам эта охота… — прошипел я.

— Не нагнетай. Главное — разойтись миром. И старайся помалкивать.

— Как скажешь, — буркнул я.

Ревнители… Эти псы уже двадцать лет ловят дезертиров по лесам, а теперь вот припёрлись к нам. Будто ещё остались идиоты, готовые бежать за Лапласом. К нам как раз шли двое: походка хозяйская, морды важные, а шлемы на поясах гремят при каждом шаге, как пустые кастрюли.

Подойдя ближе, один из них скинул капюшон и окликнул нас:

— Вы же местные охотники, так?

Нахмурившись от странного вопроса, отец вскинул плечом груз и прохрипел:

— Они самые…

Плащ второго ревнителя зацепился за сучок, и тот отстал на пару шагов.

— Аркадийцы, — пробормотал первый, разглядывая нас. — Далековато же вы от столицы забрались. Малец — вылитый ты, только ростом не вышел. Староста не соврал.

Он коротко обернулся, отвлёкшись на спутника, который

всё ещё возился с плащом.

— Бросайте тушу. Есть разговор, — сказал он, явно желая быстрее отделаться.

Мы переглянулись с отцом и аккуратно сгрузили оленя. Я неловко дёрнулся, колчан задел тушу, и стрелы рассыпались по траве. Пока я торопливо сгребал их, отец обсуждал что-то со стражником. Когда я убрал стрелы на место, меня тут же окликнули:

— А теперь ты, малец. Проверим тебя… — и тут же бросил напарнице: — Сибилла, ты долго там ещё?!

С треском рванув зацепившийся плащ, она откинула капюшон и шагнула к нам. Достав белоснежное полотно, она осторожно размотала его. Ткань скрывала изобличающую кору — пожелтевший от времени кусок кровавой берёзы с эмблемой империи. Напарник, устав от её возни, грубо выхватил кору из её рук.

— Что видишь?

Вопрос сбил меня с толку. Я засмотрелся на спутницу, а точнее — на странный медальон у неё на груди. Камень внутри переливался, завораживая игрой света. Она поймала мой взгляд на себе. Тёмно-зелёные глаза хищно прищурились. Уголки её губ дрогнули в лёгкой усмешке, и она небрежно убрала медальон под одежду.

Алый свет заставил меня опустить глаза. На бежевой коре проступили истлевшие кровавые линии. Они заплясали, сплетаясь в огненный узор. Я сглотнул. Говорят, обмануть

кровавую берёзу невозможно — она видит тебя насквозь.

«Лучше просто дышать и не врать».

— Вижу узор, похожий на пламя, — уверенно сказал я.

— Вот как… — протянул ревнитель, небрежно оборачивая кору в потёртое полотно. — Сейчас нам некогда, но к следующей проверке готовься, парень. На фронте сейчас мясорубка, людей не хватает. Вон, — он кивнул на напарницу, — уже девок в доспехи суют.

Он громко схаркнул ей под ноги. Она лишь вскинула бровь, не меняясь в лице. Раздражённо цокнув, он швырнул напарнице кусок коры и жестом велел убрать его в ткань. Ревнительница молча приняла свёрток. Ни тени обиды, только холодное безразличие. Её тонкое лицо перечёркивал шрам от виска до самой губы. Мы вроде ровесники, но она совсем седая…

Пока я засматривался на неё, отец закончил разговор и привычным щелчком подозвал меня к себе.

— Элиот, я задержусь. Бери оленя и неси его к деревне, — сказал он, вручая мне старый плащ.

— К чему такая спешка? Мы и так еле тащим. Могу подождать, если…

— Делай, что отец велит, — отрезал стражник.

Вывернув плащ, я взвалил тушу на плечи. Тяжёлая, зараза. Удержав равновесие, я окинул их напоследок взглядом и направился вниз по тропе. Силы быстро иссякли. Стоило скрыться из виду, я скинул ношу и сел ждать старика.

Рассматривая надоевший пейзаж, я прокручивал в голове слова ревнителя: тяжёлые времена, нехватка людей… Очередное напоминание: когда-нибудь заберут и меня. Говорят, раньше безумцы сами рвались на границу бить нежить или штурмовали Ледяной Пик ради славы драконоборцев. Не верится, что они шли туда по своей воле. Сейчас всё иначе: у нас нет выбора. Друзей забрали ещё год назад, и только меня до сих пор по какому-то чуду обходила эта участь.

Разминая затёкшую спину, я замер на полудвижении. В груди похолодело: за мной наблюдали. Взгляд метнулся к деревьям, где среди теней застыло нечто бесформенное и неестественное, словно грубо сшитое из разрозненных частей.

— Слишком высокое для зверя… — успел пробормотать я.

В этот момент глаза существа блеснули в луче света, пробившегося сквозь листву, явив мне нечто омерзительное. Тварь в шкурах убитых зверей клацала костяным клювом, выжидая момент для броска. Длинные, как высохшие корни, конечности едва держали его, отчего тело лихорадочно тряслось. Впалые белые глаза впились в меня. Я попятился. Воздух застрял в горле, рука сама дёрнулась к плечу — пусто, лук остался у туши.

Успею? Если дёрнусь — нападёт. А если стрелы повалятся? Оно всё ещё смотрит… Что делать?!

Каждый удар сердца гулом отдавался в ушах, заглушая

звуки леса. Внезапно меня окликнул отец:

— Давай поскорее покончим с этим, да и на обед пойдём.

Отец подошёл почти бесшумно, лишь шорох осыпающейся земли заставил меня обернуться.

— Ты будто покойника встретил. Или родному отцу не рад?

Вместо ответа я рванулся к туше. Пальцы на лету выхватили стрелу из колчана, и в то же мгновение я вскинул лук, резко развернувшись на колене. Тетива привычно резанула пальцы, натягиваясь до щеки. Я замер, целясь в пустоту, где только что стояла тварь.

— Куда оно делось? — мой голос упал до шёпота.

Я лихорадочно водил луком из стороны в сторону, вслушиваясь в каждый треск ветки. Отец проследил за моим взглядом, осмотрелся и устало вздохнул.

— Только не говори мне, что ты испугался тени дерева… — Его голос звучал спокойно, но пальцы привычно легли на рукоять ножа.

— Это не тень… Огромное. И в шкурах… — Я запнулся, пытаясь унять дрожь, но голос сорвался. — Будто оно само их на себя натянуло! И эти глаза…

Отец легко усмехнулся. Его невозмутимость одновременно успокаивала и пугала. И всё же липкий страх остался, в отличие от сбежавшей твари.

Он опустил мой лук, положив руку мне на плечо.

— Элиот, за жизнь я повидал многое: от бродящих по ле-

сам недобитых животных до дезертиров, прячущихся по кустам… Одно могу сказать точно: если бы эта тварь хотела нас убить, она бы уже напала.

Он внимательно осмотрел окрестности, затем бросил на меня суровый взгляд.

— Послушай, нам нельзя здесь торчать. У нас туша на плечах и… даже если ты прав и там кто-то был. Что дальше? Будешь стоять тут и дрожать?

«Он прав — нужно прийти в себя».

— Лучше поспешить…

— Хорошо, — сказал отец, хлопнув меня по плечу.

Мы снова взвалили тушу на плечи, и на этот раз каждый шаг давался тяжелее прежнего. Лишь одолев добрую часть пути, я осознал: лес мёртв. Не пели птицы, не стрекотали насекомые. Только наши шаги и скрип старых ветвей нарушали эту мёртвую, гнетущую тишину. Отец время от времени проверял окрестности. Я же не мог избавиться от образа того существа; его впалые глаза будто следовали за нами сквозь деревья. Я заставил себя смотреть только вперёд, подстраиваясь под широкий шаг отца.

Глава 2. Решимость на закате

Добыча тянула плечи, поясница ныла при каждом шаге. Мы осторожно спускались по склонам, то и дело спотыкаясь о кочки. Страх вцепился в меня: я шарил взглядом по теням, а каждый хруст ветки заставлял сжимать лук. Наконец мы преодолели последнюю чащу, и степной ветер ударил в лицо, словно долгожданное освобождение. Тревога медленно растворялась в бескрайнем просторе поля, усеянного золотистой пшеницей.

Девушки неторопливо жали пшеницу, звонко пересмеиваясь. Хотя их женихов забрали на войну, они старались не унывать. Я остался единственным парнем в деревне, и голодные взгляды девчонок давили не хуже мешка с костями.

Впереди показались загоны с мулами и коровами. У жердей забора переговаривались двое стариков. Нам повезло: одним из них оказался Гаспар, деревенский мясник.

— Здоров, бывалые! Мы с уловом! — окликнул их отец.

Беззубый пастух лишь согласно промычал, пожёвывая колосок, а Гаспар хохотнул:

— С уловом? Что, снова рогатого карася в лесу поймали?

Мужики загоготали. У меня не осталось сил даже на слабую улыбку.

— Ты как, парень? Неважно выглядишь… — пристально посмотрев на меня, сказал Гаспар.

— Порядок, просто оленя от самой реки тащили, вот и устал, — ответил я.

— Слышал Элиота? Мы устали. Так что хорош болтать, пойдём к твоей лавке, — добавил отец.

— Хорошо, хорошо… Ах да, вас староста искал. И это… дед сегодня сам не свой.

Переглянувшись с отцом, мы направились в мясницкую лавку. Мы по привычке называли её лавкой, хотя полки давно опустели. После восстания деньги отменили. Люди перешли на обмен, но легче от этого не жилось. Торговые обозы теперь ходили только с продовольствием. Так, по крайней мере, говорил отец.

В лавке хлопотала жена Гаспара — высокая женщина с аккуратно собранными волосами. Она выгребала из-под прилавка запылившиеся глиняные горшки. Не отрываясь от дел, она улыбнулась нам и слегка присвистнула, глядя на тушу:

— Попробую к вечеру управиться. Тут всему посёлку хватит на ужин. Квинт, Элиот, вы как всегда молодцы! Без вас мы бы так и питались одним хлебом, спасибо вам… — её голос звучал тепло, но за этой мягкостью крылась твёрдость женщины, на которой держится хозяйство.

Едва она умолкла, за спиной сухо кашлянул староста Клавдий. Мы вздрогнули и неохотно обернулись, встречая его недовольный взгляд. С каждым шагом он всё громче стучал потёртой тростью по земле.

— Вот вы где, два недоноска! Какого хрена вы удрали в

этот проклятый лес? — прохрипел он, тыча тростью в нашу сторону. Его морщинистое лицо исказилось от злости, глаза сверкали, как у коршуна перед броском.

— Ты чего разошёлся, дед? — сдерзил отец, за что тут же схлопотал палкой по голове.

— С того, что эти два индюка в кирасах всё утро мне плешь проедали: «Где твои охотники?». Думаете, мне в радость на старости лет с этими дуболомами лаяться?

— Ну, дед, зря ты размахался. Мы вообще-то не с пустыми руками! — хвастливо сказал отец, указывая на нашу добычу.

Клавдий доковылял до стола и уставился на тушу, почёсывая бороду. Старик видел плохо, и осмотр затянулся.

— Сделай милость… замолви слово за Амелию.

— А что случилось?

— Их дочь проговорилась, мол, они прячут еду, и ревнители сразу вскипели: измена! И слушать не стали — пригрозили розгами. Я соврал, что в лесу какие-то странности, а вы задержались, пусть сходят и посмотрят. Но мне всё равно её жаль. Квинт, поговоришь с ними?

Голос старосты дрогнул. Клавдий, грубый и строгий лишь на первый взгляд, болел душой за деревню и для многих из нас давно заменил деда — ворчливого, но своего.

— Да не нагнетай, дед. О таком зверстве я слышал только из твоих рассказов о молодости… — сказал отец, но всё же тяжело вздохнул. — Но я посмотрю, что можно сделать.

— Конечно, ты это сделаешь, упырь несчастный, а пока ждёте их, можете чем-нибудь полезным заняться… — с этими словами он поковылял обратно в свою охотничью хижину.

На всю лавку раздался смех Гаспара, который тут же подхватила и его жена.

— Отчитали, как ребёнка, ну и ну… Только старый хрыч и может тебя так построить! Ну, что будешь делать? — вытирая слёзы с глаз, спросил он.

— Пока ничего. Они вернутся к вечеру — пошли искать затопленную деревню. Идти туда далеко, а плетутся они еле-еле… Не удивлюсь, если они плюнут на это и пойдут дальше по деревням, — спокойно рассудил отец, рассматривая сарай со скотом.

— Вы не нашли пропавших коз?

— Найдутся, не переживай. Животные в лесу спокойные, значит, хищников вроде волков или медведя нет. Как выйдут в поля — вернём их к стаду.

Он опустил уставший взгляд на меня.

— Ты можешь идти, я тут дальше разберусь.

Кивнув, я побрёл домой, минуя знакомые хижины. Запах древесины, слегка подгоревшего хлеба и трав, растущих вдоль тропинки, — каждая мелочь тянула остаться, забыться в этом покое. Но я знал: это всё временно.

Мои мысли прервал звонкий детский смех за забором дома. Там моя сестра и соседская девочка с визгом закидывали

друг друга репейниками. Завидев меня, они тут же побежали навстречу.

— Эли! Ты уже не занят? Научи нас стрелять из лука! — протараторила моя сестрёнка Нора, нетерпеливо дёрнув Лилю за рукав, чтобы та шла быстрее.

Лиля, её подруга, едва переставляла ноги с поникшей головой, виновато перебирая пальчиками.

«Понятно, почему она такая хмурая: небось, боится, что мать высекут. Ей всего-то лет пять, распереживалась, бедненькая».

— Что такое, Лилечка? Ты какая-то сама не своя, — мягко спросил я, не обращая внимания на вопли сестры.

— Братик, послушай! — Нора обиженно надула губки и раздражённо пихнула подругу в плечо. — Лиля, да хватит тебе киснуть! Ну соврала и соврала, пошли уже играть!

— Эй, Нора, ты же старшая. Чего малую обижаешь? — осадил я её.

— А чего она ведёт себя как дура? — Нора вскинулась, теряя остатки терпения. — Я говорила ей: просто извинись перед дядькой в доспехах, и всё! А она только ревёт и ревёт!

Без капли сожаления она швырнула репейник в платье подруги. Лиля, до этого лишь шмыгавшая носом, разрыдалась.

— Так нельзя! — Я бросился успокаивать Лилю, торопливо отлепляя колючки. — Всё хорошо, мой папа обязательно поговорит со страшным дядькой, никто никого не обидит.

Стоило ей затихнуть, как колючки полетели в меня.

— Дурак, Элиот! Папа всегда говорит: кто соврал, тот должен плакать, чтобы стыдно было. А врать — плохо!

В её звонком голосе не звучало ни капли сочувствия — только холодная правота нашего отца. Я осёкся. От этих слов повеяло до боли знакомой дрессурой. Вспомнился день, когда я взял нож из отцовской подсобки и потом до ночи стоял коленями на сухом горохе.

— Правда? Мою маму не накажут? — спросила Лиля с заплаканными глазами.

— Конечно, а ещё твоя подруга извинится, что дразнилась… — серьёзно взглянув на Нору, добавил я.

— Элиот всё испортил! Но ладно, Лиля, не реви, пошли играть!

Она крепко обняла Лилю сзади, не дав ей вновь разреветься. Взявшись за мизинчики, они наконец-то помирились.

— Хорошо, — заключил я, погладив их по головам. — А теперь бегите домой, порадуйте маму: мы с отцом оленя притащили, вечером будет мясо.

— Ура-а! Мясо! — запищали девчонки.

— Играйте, я пока отдохну. И постарайтесь не шуметь!

Они кивнули и побежали играть в палисаднике. Немного проследив за ними, я неторопливо пошёл домой. Мысли всё равно возвращались к одному.

«Здесь дом, семья, люди ценят меня как охотника».

Но я всё равно оставался чужаком.

Переступив порог, я небрежно скинул обувь в угол и сра-

зу побрёл на кухню перекусить. Пара кусков хлеба — и глаза слиплись прямо за столом. Я провалился в вязкое забытье, из которого меня выдернул только запах жареного мяса и раскалывающаяся голова. Собравшись с силами, приподнялся за столом, потирая лицо. За окном закатное солнце мягко растекалось по горизонту, окрашивая всё вокруг в тёплые тона. Лучи золотили краюху хлеба и миску с виноградом. Я оторвал крупную ягоду и поднёс к свету. Солнце пробило красную мякоть насквозь, делая её похожей на налитой кровью глаз. В памяти мгновенно всплыл леденящий взгляд лесной твари, мёртвая тишина и клацанье костяного клюва. Аппетит пропал. В животе стянулся тугой, холодный узел.

Захотелось на воздух. Вновь сапоги и старая накидка. Улыбчивые соседи и беззаботные дети. Ничего не менялось. Привычной тропой я направился к месту, где мы с друзьями когда-то устраивали поединки. Там, среди полей и деревьев, я надеялся выбить из себя боль и тревогу.

Пальцы коснулись рукояти деревянного меча, покрытой сетью мелких трещин. Он лежал там же, где я его оставил. Дерево, некогда прочное, теперь казалось хрупким, но каждая царапина хранила отпечаток тех дней, когда я мечтал стать быстрее и сильнее.

Подойдя к старому тренировочному чучелу, я привычно вскинул меч. Но сколько ни пытался сосредоточиться, тело не слушалось. Руки дрожали, а к горлу подкатил сухой ком. Я провернул клинок, но тот едва не выскользнул из пальцев,

словно насмехаясь над моей слабостью.

Я стиснул зубы — смотрел на дрожащий в руках клинок, и жалкая правда накрыла меня с головой.

Я боюсь.

Отвращение к себе выплеснулось в слепом ударе. Я обрушил меч на манекен. Вышло смазано — дерево лишь жалобно хрустнуло, глухо вминая старую набивку. Но это дало толчок. Я ударил снова, уже не целясь, пытаясь разрубить сковывающий меня холод.

Удары становились всё яростнее. Я бил наотмашь, сверху вниз, оставляя рваные прорехи в иссохшей соломе. Воздух наполнился едкой пылью и хрустом ломающихся прутьев. Манекен поддавался неохотно: он кренился, выплёвывая из прорех труху, но продолжал стоять, словно та самая тварь.

Я задыхался, пот заливал глаза, но не останавливался, пока центральный шест не поддался, переломившись с глухим стуком. Чучело сложилось пополам, зарывшись верхушкой в грязь вместе с остриём сломанного меча. Следом рухнула оглушительная тишина. Стоя над обломками, я понял: пока я прячусь и жду, я всегда буду жертвой. И для лесных тварей, и для Империи. В этой тишине я наконец услышал ответ.

— Решено, — произнёс я, отбрасывая треснувшую рукоять.

Я отправился искать отца — он всё ещё должен ждать ревнителей. Пока я шёл через деревню, мне то и дело попада-

лись довольные соседи — они наперебой благодарили за мясо. Я не обращал внимания ни на них, ни на рычащих собак, жадно обгладывающих кости.

В дальнем конце посёлка я нашёл отца. Он сидел, устремив отрешённый взгляд вдаль. Закатное солнце освещало его со спины, отбрасывая длинную тень, которая медленно ползла вслед за уходящим светилом.

— Ну, чего пришёл?

— Я поговорю с ними.

— Насчёт чего?

— Пусть забирают меня. Мне надоело ждать.

Он повернулся ко мне, прожигая меня насквозь взглядом:

— Почему ты так решил?

Я глубоко вдохнул. Слова сами рвались наружу:

— Я устал ждать. Если всё равно заберут, пусть это будет мой выбор.

Отец на миг помрачнел, но тут же взял себя в руки. Он задумчиво кивнул, и голос его прозвучал твёрдо:

— Уверен, что готов бросить всё ради чужой войны?

— Я всё решил, — ответил я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Вот это похоже на тебя… — произнёс он с лёгкой усмешкой, но тут же помрачнел. — Но готов ли ты добровольно стать смертником на этой войне?

Я невольно отшагнул назад.

— Смертником? — Слова застряли в пересохшем горле,

но я знал, что не ослышался. — Ты ведь… имел в виду солдатом?

Отец не шелохнулся. Затянувшаяся тишина и его тяжёлый взгляд ударили, как первая проверка. Он не собирался ничего смягчать — хотел увидеть, выстою ли я под грузом этой правды.

— В разведке мы звали их смертниками. — Отец не отрывал взгляда от горизонта. — Живёшь, пока нужен, а завтра гниёшь в канаве. Их задача — не победить и не выжить. Их задача — выиграть время для остальных. Стать куском мяса, брошенным между живыми и мёртвыми. Вот кто такие смертники.

Я тяжело опустился рядом с ним на землю, понимая, что совсем не готов к такому.

— Помнишь ли ты, что такое Крис Императора? Я учил тебя: это не просто оружие в руках правителя. Кузнецы — рукоять, создающая всё необходимое и для войны, и для мира. Разведчики — гарда, которая служит одновременно балансом и защитой, выведывает тайны и давит мятежи в зародыше. Истребители — сам клинок, чьё мастерство решает исход сражений. Смертники — остриё клинка, авангард, стоящий на грани света и тьмы. Так чем же ты готов стать, Элиот?

Его слова застряли в моей голове, лишая последних иллюзий. Но выбора не было.

— Значит, я стану этим остриём. — Я уставился в землю,

выдавливая слова сквозь зубы.

Отец замолчал. Он долго смотрел на мои сцепленные пальцы, и в его взгляде не было ни тени удивления — он видел таких, как я, сотни раз. Видел их решимость, видел их страх и знал, чем всё это заканчивается.

— Ясно, — коротко бросил он, отворачиваясь к заходящему солнцу.

Мы молча смотрели, как день тонет в сумерках. Солнце ушло, оставив лишь узкую алую полосу над горизонтом, а в окнах домов затеплился мягкий свет. Из деревни доносился редкий шум. Внезапно отец поднялся и, не оборачиваясь, направился к дому.

— Постой, ты куда?

— Спать, — бросил он через плечо. — Ревнители наверняка свернули на тракт. Остаёшься — дело твоё, но я бы не терял время.

Сил на споры не осталось. В висках тяжело молотило, а мысли путались, превращаясь в вязкое марево. Я глубоко вздохнул, стараясь прогнать тяжесть в груди.

«Ничего не поделаешь — значит, не сегодня».

Пришлось смириться и молча шагнуть следом.

Глава 3. Пламенный отряд Бронзобород

Проснувшись, я привычно рывком поднялся с кровати. Голова прояснилась, а в тело вернулась лёгкость — ночной сон смыл всю вчерашнюю усталость и тревогу. Но облегчение мигом улетучилось: с улицы донёсся резкий, нарастающий топот копыт.

«Извозчики? Нет, мчатся слишком быстро…»

Я откинул занавеску. Доспехи всадников блеснули в лучах света, пробивающегося сквозь кроны деревьев. Стоило мне разглядеть эмблему клинка на их груди, как я резко отпрянул от окна.

«Истребители?! Почему они здесь?!»

Схватив одежду, я наспех натянул её, не сводя глаз с двери. Мысли едва поспевали за телом, но это даже играло на руку. Пустая тарелка на кухне напомнила о вчерашнем ужине, и живот мерзко скрутило. Я цапнул со стола кусок зачерствелого хлеба и, на ходу отряхивая ладони от крошек, вылетел на улицу.

В центре деревни уже спешивался отряд из пяти тёмно облачённых воинов. Они выглядели измотанными долгой скачкой: кто-то разминал затёкшую шею, кто-то припадал на ногу, пытаясь разогнать кровь. Но расслабляться они не со-

бирались: никакой суеты, только цепкие взгляды и руки на подвязанных к седлу мечах. Среди них выделялся человек с пышной рыжей бородой: он был на голову ниже остальных, но по одному его жесту группа мгновенно строилась. Мой отец что-то обсуждал со старостой, и именно к ним они направились.

Я бросил корку застывшему у порога псу, но тот даже не повёл ухом. Огрызок так и остался лежать в пыли — пёс даже не взглянул. Не сводя тревожного взгляда с рыжебородого, я подошёл к отцу.

— Разведчик доложил, что в вашем лесу химера растерзала двоих ревнителей. Нас срочно отправили к вам выследить чудовище, — сказал рыжебородый воитель. — Среди вас есть охотник, который последним видел их?

— Да, — холодно ответил мой отец, делая шаг вперёд.

Рыжебородый смерил его коротким, оценивающим взглядом. Из-за высокого роста отца ему пришлось задрать голову, щурясь и прикрывая глаза ладонью от яркого солнца. Задержавшись на мозолистых руках и охотничьем ноже на поясе Квинта, он одобрительно кивнул.

— Куда вы их направили?

— Ближе к реке. Оттуда они ушли вниз по течению, к затопленной деревне.

— Все живо сюда! Мечи на пояса! Коней в стойло. И накройте их плащами, чтоб глаза местным не мозолили. Работаем! — скомандовал рыжебородый, доставая маленькую

флягу.

Он отхлебнул, с довольной ухмылкой вытирая бороду. Едва напарник приметил это, как сразу скривился:

— Слышь, ты что, удумал прямо с утра накидаться?

— Цыц, мне так лучше думается… — отмахнулся рыжебородый, делая ещё глоток. — Чего застыли?..

Его хлопки ладонями высекли сноп искр.

— Живо, я сказал!

На ладонях перчаток тускло блеснули вставки, похожие на оружейный кремень. Всё снаряжение рыжебородого выглядело пугающе сложным: ряды флаконов на поясе и необычные составные ножны, обгоревшие у самого устья. Этот человек явно разит не только сталью.

Все быстро скинули плащи; мечи и снаряжение в считаные мгновения перекочевали с лошадей на пояса. Из-под местами прожжённого бордового полотна проглядывал тёмный металлический блеск доспехов. Они двигались слаженно и с пугающей лёгкостью, словно тяжёлая броня весила не больше обычной одежды.

— Близняшки, живо сюда! — гаркнул рыжебородый двум миловидным девушкам с длинными чёрными хвостиками. — Набросайте маршрут со слов охотника!

Близняшки кивнули и, достав пергамент из сумки, быстро направились к моему отцу. Отставшая от всех пара отчаянно искала глазами стойла, придерживая лошадей. Я шагнул к ним на помощь.

Девушка бросила поводья, выхватила клинок и шагнула ко мне.

— Ты ещё кто такой? Отвечай! — крикнула она.

— Эй, остынь, Сири! — парень выскочил вперёд, преграждая ей путь. — Не хватайся за меч при виде каждого встречного. Это просто конюх. — Он уверенно надавил на гарду, опуская её клинок.

— Не совсем так… Я охотник, как и мой отец, но могу показать, где у нас хлев, — сказал я, едва скрывая дрожь в руках.

Парень перевёл взгляд на одну из близняшек, которая показала ему большой палец вверх. Отец же повторил жест, подбадривая меня.

Немного нахмурившись, она ловко вложила меч в ножны.

— Веди, охотничек. А ты, Дек, не задирай нос… — Оскалившись, она стукнула его локтем.

Мы шли вдоль просёлка; я крепче сжал в руках мотки пряжи. Местные псы, которые раньше заливались лаем от любого стука копыт, теперь лишь безучастно провожали нас взглядами из-под подворотен.

Дек выделялся среди остальных — крупный, статный, но без лишней горделивости. Никто из них не носил шлемов — странная беспечность, ведь опытные бойцы редко пренебрегают защитой головы. Кроме того, их клинки заметно короче, чем у большинства наёмников и ревнителей. Они подготовились к нашей местности куда лучше пропавших: в на-

ших лесах с длинным мечом ловить нечего.

Та девчонка, что едва не отправила меня на тот свет, теперь вела себя иначе. Стоило нам немного привыкнуть друг к другу, как ярость сменилась пугающей, почти сонной собранностью. Под короткими светлыми волосами открылось строгое лицо, а в походке проявилась хищная плавность — она шла, почти не поднимая пыли, словно заранее выверяя каждое движение.

Внезапно воительница резко обернулась и сверкнула на меня глазами, словно поймала за кражей.

— Чего уставился? — огрызнулась она, но тут же отвернулась, дёрнув плечом.

— Я… просто хотел узнать ваше имя, — ляпнул я первое, что пришло в голову.

— Дурак, ты уже слышал его от этого тупоголового! И вообще, сам для начала представься.

— Элиот, — быстро ответил я. — Элиот Искариот.

— Да не бери в голову, парень, — вклинился Дек, усмехаясь. — Она просто не в духе. Видишь ли, как-то раз деревенские… — Он охнул, получив локтем в бок.

— Не пялься и просто веди нас, Элиот, — бросила Сири, уже спокойнее, но не оборачиваясь.

Пастуха мы добудились не сразу. Старик долго возился в сене, ругаясь спросонья, но, стоило ему разглядеть эмблемы на плащах и тяжёлых коней, как он мигом растерял всю спесь. Широко раскрыв глаза, он впопыхах принялся расчи-

щать дальний угол, испуганно поглядывая на вооружённых чужаков. Дек молча скинул ему тяжёлые перемётные сумы, бегло проверил копыта своего мерина и коротким жестом скомандовал Сири возвращаться к Бронзобороду.

Я же застыл у ворот, стараясь стать как можно незаметнее. Свою задачу я выполнил, хлев показал, теперь хотелось просто тихо выскользнуть в рассветную прохладу и уйти домой.

— Эй, охотничек! Ты чего там прирос? — окликнула меня Сири.

Я вздрогнул и обернулся. Девчонка стояла у выхода, закинув руки за голову, и смотрела на меня без прежней злости. Я слегка усмехнулся ей.

«Значит, зла на меня не держит, да?»

Обратно к отряду мы зашагали уже вместе. Дек шёл чуть впереди, а мы подстраивались под его широкий шаг. Тяжёлое молчание между нами больше не казалось враждебным.

— С конями разобрались? Хорошо… — Выпив из фляги, рыжебородый прокашлялся.

— Только не говори… — послышался скептичный голос Дека.

— Слушайте сюда! Я — Кайл Бронзобород! Клянусь, я лично притащу башку твари, что повадилась в ваш лес! — гаркнул он так, что у меня на секунду заложило уши.

По лицам его отряда пробежала тень коллективного страдания. Дек закатил глаза, Сири едва заметно поморщилась, а близняшки остались непроницаемыми, как статуи. Жители

деревни, видимо, ещё спали, ведь на нас вышли посмотреть всего пара человек да староста с таким лицом, будто ничего не расслышал.

— Попрошу всех разойтись, кроме охотника!

Собравшиеся люди, переглянувшись в недоумении, неспешно разошлись по домам. Я шаркнул ногами по земле.

«Это же мой шанс, да?»

Пальцы пробило мелкой дрожью.

«Почему… так сложно…»

Я сжал кулак, скрывая слабость. Но никто даже не смотрел в мою сторону — все сосредоточились на предстоящей битве и готовились выдвигаться.

«Ну же! Давай! Чёртов трус!»

Отец бросил на меня презрительный взгляд, словно говоря: «Уходи, сейчас же». Я попятился, затем резко развернулся, закусив губу до крови. Группа двинулась к чаще, а я вбежал в дом и захлопнул дверь. Пальцы побелели, впиваясь в ткань рубахи. Я сполз по косяку на пол. Челюсти свело от одной мысли:

Выбора нет — я должен идти…

Ветхие деревья обступали тропу; шли молча, вслушиваясь в каждый шорох. Но лес отвечал лишь шелестом листьев на ветру. Летняя духота быстро разморила отряд, и напряжённая тишина сменилась ленивой болтовнёй.

— Ну что, близняшки, у вас всё сходится по карте? — задорно спросил Бронзобород, открывая новую флягу с пой-

лом.

Близняшки лишь кивнули, молча сверяясь с пометками на карте. Дек и Сири отводили глаза, устав слушать его пьяные выходки.

— Вот это настрой! — рассмеялся Бронзобород. — Сири, скоро покажешь, на что годишься. Дек, ты тоже там не зевай.

— Т-с-с! Что бы мы без тебя делали… — процедил Дек.

— А? Что это ещё за ответ такой? — Его голос посуровел, но глаза выдавали подкол.

— Задолбал, старикашка… — едва слышно прошипел Дек.

— Эх… Ну и молодёжь пошла, совсем старших не уважают, — покачал головой Бронзобород, делая очередной глоток пойла. — А ведь это я учил его всему, что он сейчас знает. И вот моя благодарность? Одни вздохи да недовольные рожи.

— Эй, дай ему то, что хочет… — скептично прошептала Сири Деку.

— Между прочим, я всё слышу, — возмутился пьяница, показушно прикладывая руку к уху. — Так что, может, кто-нибудь всё-таки поблагодарит меня за мудрые советы?

От такой выходки глаз Дека невольно дёрнулся, но, заметив всеобщее внимание на себе, всё же выпалил:

— Большое спасибо за всё, о мудрейший из живущих!

— О, чудо! — хрипло рассмеялся Бронзобород, воздев руки к небу. — Все слышали? Наш упрямый юнец нако-

нец-то научился благодарности. Впишите этот день в летописи Империи! — Он салютовал флягой и сделал жадный глоток, довольно крякнув.

Непроницаемые лица близняшек дрогнули — обе тихо фыркнули, переглянувшись. Дек резко обернулся на Сири, которая едва сохраняла суровый вид. Только Квинт не изменился в лице. Глянув на мрачного Квинта, Дек промолчал, не поддаваясь на подначки старика.

Вскоре они вышли к тому самому месту, где наши пути с ревнителями пересеклись в прошлый раз.

— Мы встретили их здесь, — Квинт указал на едва заметную тропу. — Судя по карте, вам нужно держать курс прямо к реке, а от неё забирать влево. Так вы точно не разминётесь с целью.

— Это я уже понял. Теперь возвращайтесь в деревню, — отрезал Кайл. Его холодный, колючий взгляд не оставлял сомнений: охотнику здесь больше не место, а впереди их не ждёт ничего хорошего.

— Удачи, — бросил Квинт напоследок.

Кайл кивнул, и отряд двинулся в чащу. Чем глубже они заходили в лес, тем сильнее окружение напоминало мрачный доклад разведчика. Птицы застыли на ветвях безмолвными силуэтами, а мелкие зверьки замерли в траве, провожая их пустыми, безучастными взглядами.

Несмотря на сгущавшуюся тревогу, Бронзобород не унимался, распекая своих подопечных.

— Дек! Сколько раз я тебе говорил вести себя вежливо!

— Ты издеваешься?! Я сто раз просил не орать своё имя на задании! В прошлый раз стражники просто по пьяни в овраг свалились, а ты распинался про месть!

— А что не так? — ехидно потирая бороду, спросил Кайл.

— Хочешь сказать, допить бухло, что осталось при трупах, и есть твоя великая месть?

— Своего рода, — закручивая усы, согласился он.

— Нет, ну это ведь ненормально, согласись, Сири!

— Заткнись, Дек… — Сири раздражённо звякнула клинком. — Ты меня сбиваешь.

— Там впереди видно речку. Нам сейчас нужно налево, — сказала одна из близняшек.

— Вот смотри, Дек, тебе бы стоило поучиться у них. Всегда тихие, спокойные и самое важное — не трындят без дела!

Близняшки лишь ритмично кивнули в ответ.

— Ну вы-то куда… — почти шёпотом промолвил Дек. Он покосился на Сири, сосредоточенно полирующую лезвие, и устало потёр глаза. — Чокнутые. Все до единого…

Мерный шум реки притуплял бдительность, пока они неторопливо продвигались вперёд. Бронзобород, шагавший во главе отряда, раздражённо взболтнул флягу, но та отозвалась лишь пустой гулкостью. Он сплюнул: предчувствие скреблось гадкое, а залить его теперь нечем.

Впереди послышался странный всплеск и надсадный скрип дерева. Из-за изгиба реки показалась полуразрушен-

ная водяная мельница — покосившаяся и наполовину ушедшая в русло. Остальные строения давно обветшали, уцелели лишь пара хижин да просторное деревянное стойло. Всего через пару шагов показались лужи крови, ведущие внутрь хибар.

— Предупреждали же, что кровь покажется ещё от самой тропы, но чтоб так… — угрюмо пробубнил Бронзобород.

— Так, значит, впереди нас ждёт враг? — произнесла Сири, сжав крепче меч и приготовившись к рывку. — Ну тогда я вперёд, а вы…

Но Кайл опередил её, схватив за воротник. Сири рвалась из захвата, но его хватка была стальной. Прокашлявшись, он отрывисто изложил план:

— Я с этой дурёхой налево, ты с близняшками направо. Обойдём развалины, поищем следы. В дома не соваться, держим дистанцию. Встретимся здесь.

— Есть! — ответили близняшки и Дек.

Кайл приподнял бровь и, не ослабляя хватки, молча ждал ответа от Сири.

— Е-есть! — наконец прокряхтела она.

— Разойтись! — дал команду Кайл, отпуская Сири.

— Вы меня чуть не придушили… — Она потёрла шею, обиженно глядя на него.

— Помалкивай. И держись рядом. Поняла?

Все разошлись, прочёсывая взглядом каждый клочок земли. Тишину нарушало только назойливое жужжание мух, до-

носившееся из руин. Но пустые окна не давали ни единой зацепки. Здесь время словно замерло.

Среди звериных следов на заросших порогах впечатались крупные медвежьи лапы. Небо затянуло тучами, и в наползающих сумерках отряд медленно обходил деревню, заглядывая под каждый прогнивший настил. Вернувшись к точке сбора, все молча опустились на землю.

— Я вот что предлагаю… Сожжём все эти дома, — первым нарушил тишину Кайл.

— Ты думаешь, прежде чем сказать?! — гаркнул Дек.

— Он прав. Дождя тут давно не было, можем ненароком лес поджечь, — поддержала его Сири.

— Значит, так. Мы с Деком — вперёд, Сири с близняшками — на прикрытии. Чешем дома по очереди, внутри не задерживаемся. Начнём с углового, закончим вон тем сараем. Выполнять!

— Да! — в унисон ответили Дек и Сири.

Близняшки просто кивали на все предложения.

— За дело! — скомандовал Бронзобород.

Кайл достал пару флаконов из-за пояса, а остальные обнажили мечи. Отряд медленно двинулся к ближайшему зданию. Запах гниения и свежей крови пропитал всё поселение, прилипая к коже, как влажный туман. В первой хижине группа шла по разбросанным останкам животных, то и дело наступая на полуразложившиеся трупы. Помимо отвратительного запаха, помещение кишело насекомыми.

Осмотрев ещё пару таких построек, они вышли передохнуть.

— Вижу, малышка Сири не выдержала, — сказал Кайл.

— О чём вы? — перевёл взгляд Дек.

Сири припала к земле на дрожащих руках — её мучительно вырвало.

— Ну чего ты? — пришла подбадривать её одна из близняшек.

— Спасибо, Флавия…

— Вообще-то я Люция…

Вторая волна не заставила себя ждать.

— Что скажете, наставник? — обратился к Кайлу Дек.

— По одним костям трудно судить… Но тварь явно таскает туши целиком, оглушает и жрёт прямо здесь. Иначе медведя в эту хибару просто не затащишь. Так, всё! Собрались! Прочешем оставшиеся хижины. Нужно найти тела стражников. Подготовим засаду и убьём эту тварь.

Все угрюмо кивнули. Когда они обошли ещё несколько строений, им встретились кровавые останки одного из стражников. Лицо превратилось в кровавое месиво, а вспоротое брюхо выжрано. Спеша убраться из этого кошмара, воины сорвали с окровавленного доспеха эмблему с оружием и тотчас вышли. Положив меч на ближайший камень, Бронзобород замер подле него.

— Предадим их огню, когда всё кончится… — глухо произнёс Кайл.

Остальные молча кивнули. Сири тяжело дышала, вытирая испачканные губы тыльной стороной ладони. Тошноту выжгла слепящая ярость к твари, растерзавшей стражников. Она с отвращением сплюнула горечь и перехватила меч.

— С меня хватит! — прорычала она, бросаясь к ближайшей крупной хижине. — Я сама оторву башку этой…

Тень в проёме смазалась. Из мрака метнулись узловатые лапы и намертво сомкнулись на горле Сири. Влажный хруст оборвал крик. Химера оттолкнулась от её обмякшего тела и метнулась к близняшкам.

Кайл без раздумий ринулся в бой, срывая зубами пробки с флаконов. Дек стряхнул оцепенение и, покрепче перехватив меч, бросился на тварь. Слишком поздно. Тварь вцепилась в голову близняшки и, раздирая когтями лицо, рывком вывернула её назад — лицом к застывшей сестре.

Сухой, оглушительный хруст ударил по ушам. Мёртвый, залитый кровью взгляд сестры — последнее, что она увидела перед тем, как мир померк. Издав беззвучный крик ужаса, девушка рухнула на колени.

Тварь зашлась первобытным клёкотом. Когти метнулись к следующей жертве. Кайл рванул её на себя, одновременно швыряя в тварь пороховую смесь. Щелчок пальцев. Пламенный взрыв мгновенно отбросил химеру. Выжившая близняшка истошно завопила: коготь твари, отброшенной взрывом, вскользь полоснул её по лицу, распарывая кожу.

Шкуры монстра вспыхнули, и тварь с диким воплем мет-

нулась к реке. Кайл пытался привести в чувство близняшку, но та потеряла сознание от шока. Горящая туша, скребя землю, рухнула у реки и замерла.

— Сзади! — выкрикнул Дек, закрывая собой спину.

Раздался скрежет металла — когти химеры врезались в нарукавник, отчего собственное предплечье ударило Дека в висок, разбивая кожу до крови. Броня выдержала, но его повело в сторону; он пошатнулся, едва не рухнув под тяжестью этой мощи. Кайл резким движением распылил и воспламенил смесь, но тварь успела отпрянуть в тень здания. Огонь на мгновение высветил её истинный облик: длинные узловатые конечности, редкие перья цвета сажи и тощее тело, которое венчал уродливый сплав человеческого лица, звериной пасти и вороньего клюва с пустыми глазницами. У реки догорала лишь пустая оболочка из шкур.

Скользнув в тень, тварь бесследно исчезла.

Дек покачнулся. Из-под разбитого нарукавника хлынула кровь, глаза закатились, и он рухнул на землю без единого звука. Одна из близняшек замерла рядом, не в силах пошевелиться. Тела её сестры и Сири уже неподвижно лежали в пыли. Кайл на мгновение оцепенел, затравленно озираясь по сторонам — без прикрытия отряда он стоял как на ладони. Бросив последний взгляд на павших, рыжебородый рывком бросился к ближайшему дому, готовясь встретить тварь лицом к лицу.

Он ворвался в трухлявый сарай, на ходу срывая флаконы

с пояса и заливая всё за собой взрывоопасной смесью. Затылок жгло предчувствием: тварь дышала в спину. Прижавшись к стене, Кайл замер. Рука на рукояти меча, пальцы сжаты до белизны.

Нервы натянулись до предела. Выдох. Тёмный силуэт медленно пробирался внутрь — вальяжно, смакуя каждый шаг. Холодный пот стекал по спине, но Кайл заставил себя подпустить её ближе. Клёкот нарастал: тварь выжидала, изучая жертву. Лишь белые глаза, сверкающие в густой тени, выдавали её.

Тишину разорвал скрежет когтей по доскам. Не дожидаясь броска твари, Бронзобород рванул меч. Вспыхнула искра. Глухой хлопок запертого внутри пороха выстрелил клинком наружу. Рука Кайла лишь направила взрыв, превратив рывок клинка в смертоносный выпад.

Пылающим клинком он отсёк потянувшуюся к нему конечность, откинув монстра на шаг назад. Вспышка осветила истинные очертания твари, и Кайл сделал резкий выпад, вогнав меч по самую рукоять.

Тварь лишь на миг замешкалась, а затем обрушила когти в голову Кайла. Он едва успел вогнать кинжал ей в лапу, когда ответный удар раздробил ему череп.

Кайл затих. Думал ли старый хрыч о тепле дешёвого пойла, которым заливал страх, или же о том, что сам завёл свой отряд в ловушку? Уже не важно. Но с его губ сорвалось только одно: «Простите…»

С воплями агонии чудовище вырвалось из сарая, который уже спустя секунду охватило пламя со всех сторон. Тварь рухнула на землю. Катаясь в пыли, она истошно драла грудь, пока не затихла.

Разведчик, следивший за бойней из кустов, осторожно высунулся к руинам. Но химера отказывалась подыхать, восставая из пепла. Не теряя времени, он помчал обратно в лагерь, чтобы успеть доложить о выжившем исчадии.

Оно шаг за шагом надвигалось на выживших. Густые перья обгорели вместе с кусками мяса. Бритвенно острый меч, вогнанный по самую рукоять в грудь твари, всё ещё пылал. Кровь почти не шла из обрубка руки, прижжённого пламенем, а кинжал Кайла так и остался торчать в ране, будто сросшись с конечностью.

Жажда крови химеры неумолима…

Небо разорвал удар грома. Хлынул ливень… Кровавые следы быстро смешивались с грязью под тяжёлыми ударами дождя.

Химера склонилась над Деком, готовясь разорвать его горло, но вдруг замерла. Её глаза, налитые кровью, метнулись в сторону, и она резко развернулась, забыв о жертве…

Глава 4. Тени жатвы

В тот момент что-то внутри сломалось. В глубине души я знал: этот путь может стоить мне жизни, но всё равно увязался следом.

На моих глазах погибла Сири, затем близнецы… Кайл. Мой страх выгорел дотла, когда в кустах мелькнула последняя убегающая тень. Разведчик. Такой же, как я — сидел в стороне, а теперь просто сбежал, оставив их на верную смерть.

Огонь пожирал деревню, перескакивая с одного здания на другое. Земля впитала кровь тех, кто ещё недавно дышал. Те, кто выжил, умрут через мгновение, если я так и останусь в стороне…

Нет… Я не стану таким, как он…

Кулаки сжались до предела, лицо свело незнакомым оскалом. Внутри больше не осталось места сомнениям. Я вышел из тени навстречу твари. Пути назад не было.

Передо мной возвышалось обугленное существо, чьи пустые глазницы впились в меня. Из его пасти сочилась чёрная кровь, капая на землю с тихим шорохом. Тварь метнулась — я едва успел закрыться. Меня спас лишь меч Кайла — он со звоном выпал из её груди мне под ноги. Я рванулся к клинку и встал вплотную к твари. Химера оглушительно завопила. Звук прошил тело насквозь, пальцы намертво впились в ру-

коять. Она рубанула когтями, но я встретил её удар мечом. Брызнула чёрная кровь — я отсёк ей когти, но это не остановило тварь. Я едва отклонился от смертельного удара — когти лишь вскользь полоснули по шее. Мы отскочили друг от друга, но она заметно ослабла.

Запах её крови и вид свежих ран разожгли ярость. Я бросился вперёд с одним желанием: вцепиться твари в горло и не отпускать, пока она не сдохнет.

Я пронзил её шею быстрым выпадом. Но даже захлёбываясь кровью, тварь отшвырнула меня лапой, в которой торчал чей-то кинжал. Удар по рёбрам вышиб из лёгких весь воздух. Кости выдержали, но боль обожгла, как раскалённое железо. Я задыхался, но знал — медлить нельзя.

Она продолжала натиск, хрипя сквозь забитую кровью глотку, в которой всё ещё торчал мой клинок. Эта тварь словно не знала боли. Я попытался встать, но ноги не держали. Химеру судорожно затрясло, и она резким рывком подмяла меня под себя. Я успел вцепиться в рукоять и вскинуть меч, отбивая крестовиной окровавленный клюв. Щелчки её челюсти метили мне в глаза, а едкая слюна капала на лицо. Кожу на пальцах сорвало от соскользнувшего клюва. С отчаянным криком я провернул клинок в её глотке. Химера захлебнулась собственным воем. В безумном порыве она вцепилась когтями в шею, пытаясь выдрать сталь из горла, и с чавкающим звуком распорола саму себя. Тварь отшатнулась и рухнула на спину, заливая землю густой чёрной кровью.

Схватив булыжник, я изо всех сил ударил им по голове химеры. Боль от удара прошила руки до плеч — её череп оказался прочнее камня. Я придавил её лапу к земле и вырвал торчащий из неё кинжал. Металл со скрежетом прошёлся по кости. Перехватив рукоять обратным хватом, я приготовился покончить с тварью.

Чудовище отчаянно завыло, пока я в исступлении наносил удар за ударом. Я бил куда попало: в живот, под рёбра, в мягкое нутро, заливая руки горячей кровью. Чудовище отчаянно билось, пытаясь достать меня клювом, но мне оставалось всего одно движение. Я вбил кинжал по самую рукоять туда, где колотилось сердце. Навалился всем весом, пригвоздив тварь к земле, и замер, пока тело подо мной не перестало содрогаться.

Исчадье затихло.

Я сделал это. Я убил его…

Звон в ушах заглушил всё вокруг. Удар по рёбрам оставил кровавые отметины от когтей. Молния осветила место сражения, и через мгновение гром прогремел над головой. Боль была сносной, но в тот момент она выжгла все мысли до единой.

Я заставил себя дышать. Постепенно сквозь пелену пробилось одно: жив ли кто-нибудь ещё? Шатаясь, я поднялся на ноги, чтобы оглядеться.

Пылающие дома рушились, рассыпая искры. Среди руин я заметил ближайшего воина и по знакомому доспеху с тру-

дом узнал Дека. Он тяжело дышал, висок был разбит, а наручник распорот глубокими, рваными бороздами. Стоило взглянуть на эти следы, как мои собственные рёбра прошила дикая боль. Воздух застрял в горле, и я тяжело рухнул на колени, прижимая ладонь к ране.

Кровь никак не останавливалась. Я наспех разорвал рубашку и перевязал рану — тряпка была в грязи, но выбирать не приходилось. Стиснув зубы, я пошёл искать остальных.

Пройдя чуть дальше, я наткнулся на изувеченное тело девушки. Рядом с ней лежала вторая, лицом вниз.

«Может быть, это те самые близняшки?» — промелькнуло в голове.

Перевернув девушку, я увидел отвратительную кровоточащую рану, рассёкшую всё лицо, и заплывшее кровью месиво вместо глаза. Пока я прислушивался к её дыханию, мой взгляд зацепился за ещё один изуродованный труп у входа в горящий сарай. Светлые волосы… Паника мгновенно сковала тело, и я едва нашёл силы сдержать дрожь в руках.

Собрав последние силы, я поднял еле живую близняшку и потащил её к раненому Деку. Торопливо сорвав с них броню, отшвырнул её в сторону. Оставалось самое трудное — дотащить их до дома живыми.

Подхватив обоих под руки, я поволок их через сырость и грязь. Холодный дождь безжалостно хлестал нас, превращая каждый шаг в борьбу. Ветер разыгрался, деревья склонялись под его напором, мешая идти. Я выискивал дорогу поровнее,

но их одежда всё равно цеплялась за ветки и камни.

Мои силы таяли, я едва преодолел половину пути, а из-под повязки снова проступила кровь. В голове всё сбилось в сплошной крик, который становился громче звона в ушах: «Зачем? Зачем я тащу этих полутрупов? Чтобы сдохнуть вместе с ними в этой грязи? Я убил тварь, я сделал своё дело! Бросить их. Просто бросить и спасти себя…»

Но стоило мне решиться бросить их, как Дек зашёлся хриплым кашлем и отпрянул, с трудом нащупывая опору под ногами. Я тут же остановился, цепляясь за надежду, что он сможет идти сам.

— Ты меня слышишь?! Как ты?! — крикнул я из последних сил, пытаясь удержаться на ногах.

Он не ответил. Дек лишь судорожно схватился за голову. Он осторожно коснулся пальцами разбитого виска, а потом долго смотрел на оставшуюся на них кровь. Забыв обо всём, он медленно растирал её большим пальцем, глядя, как дождь смывает красные разводы с грубой кожи перчаток. Я прислонил девушку к дереву и с силой тряхнул Дека за плечи.

Дек медленно поднял голову. Его остекленевший взгляд застыл где-то за моим плечом.

— Куда дальше?.. — прохрипел он.

— За мной! Держись рядом и помогай тащить!

Он кивнул, и, подхватив близняшку под руки, мы двинулись вперёд. Хотя сначала он выглядел едва живым, через несколько минут мы уже шагали нога в ногу.

— Как ты тут оказался? — хрипло спросил он.

— Не спрашивай… Слишком уж длинная история…

Близняшка в наших руках глухо застонала, не приходя в сознание, и обмякла ещё сильнее. Мы оба разом примолкли, сбиваясь с шага, но удерживая её над грязью. Слышно было только наше хриплое дыхание и скрип подошв.

— Скажи… — Он первым нарушил молчание, глядя на мои окровавленные лохмотья. — Мы не справились с ним?

— Не справились…

— А старик, что с ним?

— Когда я пришёл, его там не было.

Он перевёл взгляд в сторону, закусив губу до крови. Я не представлял, о чём он сейчас размышляет, пока он не заговорил надломленным шёпотом:

— Старый хрыч… Не прощу… — процедил он сквозь зубы.

Мы ускорили шаг и вскоре вышли к открытому полю, где ветер встретил нас холодным порывом, пронизывающим до костей. Тело внезапно охватил жар, словно внутри вспыхнуло пламя. Дыхание сбилось, челюсти свело мелкой дрожью — накатила лихорадка.

Чёрт, чёрт, чёрт! Да что со мной такое?!

Меня повело к земле, и я с силой ударил сапогом в грязь. Боль от удара отрезвила — налетел с размаху на камень, так что онемели пальцы.

«Перед уходом в лес я слышал, как мужики жаловались

на слабость. Неужели зараза пошла от твари? Надо спросить Дека, пока он держится».

— В деревне… какая-то хворь… Люди валятся с ног. Думаешь, это из-за твари? — едва переводя дыхание, говорил я.

— Не знаю… Но если так — дело дрянь.

— И не говори…

Мы двинулись вниз по пригорку, едва удерживая равновесие.

— А ты прибежал к нам за помощью? — усмехнулся он.

— И за этим тоже…

Дек на мгновение вскинул на меня взгляд — острый, понимающий, лишённый всякой насмешки. Он поудобнее перехватил руку близняшки, наваливая чуть больше веса на себя, будто давая мне возможность просто дышать.

— А говорил, долгая история…

Я взглянул на него ещё раз.

«Безмятежно улыбается. Что за странный парень? Разве его отряд не разорвала та тварь, или ему совсем плевать? Чёрт с ним — рано делать выводы. Мы ведь едва знакомы».

Раненая пугающе побледнела. Дождь смывал кровь с её ледяного тела. Рана не смертельна, но оставит жуткий шрам. При этом её сестра мертва… Каково это — потерять сестру у себя на глазах? Я боялся даже думать об этом.

Вернувшись в деревню, я едва держался на ногах от усталости. Но вместо подмоги нас ждала гнетущая тишина. Мы

шли вдоль улиц, не встретив ни души до самого моего дома. Деревня казалась вымершей, словно её жители исчезли в одно мгновение.

Я поднялся на крыльцо своего дома, чувствуя, как дрожат ноги после долгой дороги, и постучал в дверь. Никто не ответил, и я постучал снова — сильнее, настойчивее. Наконец, внутри послышались быстрые шаги.

— Да что на тебя нашло?! — Выйдя к нам, отец лишь на миг застыл, но в следующую секунду уже был рядом, подставляя плечо близняшке и забирая её вес на себя. — Парень, войди, я осмотрю твои раны, — бросил он Деку через плечо. — Элиот, бегом к старосте за целебными травами. И живо возвращайся!

Внутри всё закипело от обиды, но приказ отца прозвучал так холодно, что любые споры застряли в горле. Гнев придал мне силы — я сорвался с места, не оглядываясь. Лишь на середине улицы я немного остыл и признал: он прав. Я сам выбрал этот путь. Теперь оставалось только стиснуть зубы и нести эту ношу до конца. Наверное, только так можно выжить и спасти кого-то ещё…

Постучав в двери охотничьей хижины старосты, я ждал, пока он неспешно шоркал ко входу. Время тянулось так долго… Казалось, я мог проследить, как капли дождя смешиваются с землёй, растворяясь в ней. Но стоило двери медленно открыться, как всё произошло слишком быстро.

Собственные раны померкли, когда староста сказал то, че-

го я боялся больше всего: болезнь косила деревню. Сейчас я был нужен другим. На ходу, почти не глядя, я запихнул травы под окровавленную повязку и затянул потуже — просто чтобы раны не мешали двигаться. Нормальную перевязку оставил на потом. Передав отцу сумку с лекарствами, я сразу пошёл на помощь остальным.

До самого вечера я не присел ни на минуту. Зараза, что поползла по деревне, не была похожа на обычную лихорадку. Люди не горели в бреду — они просто гасли, превращаясь в тени самих себя. Еда, вода, всё живое вокруг — для них больше ничего не имело значения. Дети, которых раньше было не загнать домой, теперь часами сидели в углах, безучастно уставившись в пустоту. Если такого больного уложить — он так и будет лежать, если толкнуть — пойдёт, пока не упрётся в стену. Мне приходилось самому вливать воду в их сухие рты, даже собственной сестрёнке.

Мама всё ещё держалась на ногах, хотя каждый шаг давался ей с трудом. В её глазах мелькала тень — та же, что застилала и других. Проклятый олень. Он ведь умирал на берегу реки точно так же — безвольно, неестественно застыв, с пустыми глазами. Я видел это тогда, но промолчал ради куска мяса, к которому в итоге даже не притронулся.

Неужели весь этот кошмар принёс в деревню я?

Единственной опорой была мысль об отце. Он выглядел до странного бодрым, хотя уплетал то мясо едва ли не больше всех. «Если бы дело было в олене, отец бы уже слёг», —

твердил я себе, цепляясь за это, как за спасение. Значит, это что-то другое. Морок, безумие — да что угодно, только не моя вина. И пока я в это верил, мог и дальше обходить дома и кормить тех, кто медленно терял всякое сходство с живыми людьми.

На следующий день легче не стало. От всего отряда Бронзобороды на ногах держался только Дек. Он умудрялся упражняться с мечом в те редкие минуты, что нам выпадали, хотя его самого тошнило, и он порой терял равновесие. Мы вместе обходили дома, помогая всем, кто ещё нуждался в поддержке. За это время мы успели подружиться, если так можно назвать короткие хриплые беседы между приступами его дурноты.

Дек твердил, что выжившая — это Люция, хотя в его голосе дрожала неуверенность. Рваная рана изуродовала её, и только по родинке над губой можно было догадаться, кем она была до этого кошмара. Минувшей ночью она пару раз приходила в сознание — просто рыдала и тут же снова проваливалась в сон. Отец сделал всё, что мог: зашил рваные края и аккуратно забинтовал ей пол-лица.

К полудню Люция окончательно пришла в себя. Как ни старался Дек завести с ней разговор, она молчала — горе просто лишило её дара речи. При этом она безропотно ела, давала себя умыть и часами смотрела в одну точку, сливаясь с общей тишиной. Дек умолял старосту остаться ещё на пару дней, пока Люция не сможет нормально ходить. И как только

она встанет на ноги — они уйдут.

Я же застрял где-то посередине. Нужно решить: помогать семье с этой заразой или бросить всё и примкнуть к отряду. Но в мыслях была какая-то каша. Ссадины горели, всё тело ломило от усталости, и единственное, на что меня хватало — это надеяться, что всё как-нибудь разрешится само. Без меня. Я просто хотел, чтобы мне сказали, что делать дальше, и оставили в покое.

Внутри всё будто онемело. Семья, болезнь — я видел, что всё рушится, но страх исчез. Стыдно признаться, но теперь мне плевать. Я просто выгорел. Пытался убедить себя: боль придёт позже, когда всё утихнет. Мне очень хотелось в это верить.

Мой взгляд замылился, а в ушах стоял гул от недосыпа, так что тихие шаги за спиной я принял за бред.

— Эй, помоги напоить…

Я молча приподнял Лилю, придвинув подушку ей под спину.

— Пока я пою её, заштрорь окна — они почти не моргают, и свет им только вредит…

Подойдя к окну, я быстро зашторил форточку белыми занавесками. Покопавшись в тумбочке, достал зимнее одеяло и неуклюже накинул его на верёвки.

«Постой. В доме кто-то ещё?»

Я оглянулся через плечо. Девушка в плотной кожаной броне двигалась бесшумно. Когда она наклонилась поить

Лилю, на её поясе тихо звякнула сталь — странный клинок и тонкий кинжал. От неё даже отсюда густо пахло целебными травами, а в приоткрытой поясной сумке тускло блеснули медицинские иглы. Её тёмные, выцветшие на концах волосы наспех стянуты в хвост, а за ухом нелепым, ярким пятном белела полевая фиалка.

Она взглянула на меня серыми глазами и едва заметно улыбнулась.

— Я уж подумала, ты ослеп, как и все они, — негромко произнесла она, кивнув на застывшую Лилю.

— Да… не до того было, — хрипло отозвался я, стараясь не отводить глаз, хотя её пристальное внимание напрягало. — Ты кто такая? И откуда здесь?

— София… Просто София. Ты, похоже, совсем с ног валишься, раз такой дёрганый. — Она скрестила руки на груди и склонила голову набок. — Ну? Имя-то у тебя есть?

— Элиот.

— Ясно… Элиот, значит. — София медленно опустилась на стул и откинулась на спинку, словно у себя дома. — Нас прислали добить химеру, но кто-то нас опередил. — Она лениво накрутила выгоревший локон на палец, но взгляд её оставался цепким. — Так что рассказывай, Элиот: откуда в деревне эта хворь и кто прикончил тварь?

— Зараза?.. Не знаю… — Я на мгновение отвёл взгляд, но тут же упрямо вскинул глаза. — Но лесную тварь прикончил я.

Глава 5. Опаленная сталь

София явно не ожидала такого ответа. Она мерно покачивалась на стуле, изучая меня и пытаясь понять, лгу я или говорю серьёзно. Летний ветер с гулом распахнул окно, и небрежно повешенная занавеска сползла на пол, впуская в комнату мягкий белый свет. В этот момент её взгляд дрогнул, и она плавно отвернулась к окну.

— Ну и как же ты сумел убить химеру? — Она закинула ногу на ногу и скрестила руки на груди.

— К моему приходу тварь уже истекала кровью. Она собиралась добить последних выживших, но, заметив меня, тут же бросилась в атаку. Дальше всё как в тумане… Понял, что всё кончено, только когда рана загорелась огнём, — сказал я, приподнимая рубашку.

Притворная колкость Софии исчезла, стоило ей увидеть рваные следы от когтей на моих рёбрах, наполовину укрытые повязкой. Она плавно перекинула ногу и подошла вплотную ко мне. Убрав прядь за ухо, наклонилась и вдохнула сквозь ткань.

— Ромашка? — На её лице вновь промелькнуло лукавство. — Рана серьёзная, я бы советовала можжевельник — так заживёт быстрее.

— Может, и так, но выбирать не приходилось… — ответил я, закрывая окно и поправляя занавеску.

София прильнула к моей спине всем телом, словно давняя знакомая. Её руки мягко легли на мои плечи, а тёплое дыхание коснулось уха.

— Нам поручили найти того, кто добил её, так что у тебя ещё есть время пожалеть о сказанном…

Каждым словом и жестом она словно прощупывала мои слабые места. Я терпел боль и забывал о сне ради других, но так и не ответил себе, зачем мне всё это. Да, меня всё ещё трясло от встречи с монстром… от устроенной им резни. Но там, перед ним… только тогда я впервые ощутил вкус жизни.

Она ни секунды не отводила томного взгляда. Лёгким, почти случайным движением София надавила на рану, вырывая меня из оцепенения. От жгучей боли я прошипел, невольно оскалившись — совсем как в ту бойню. Этого ей хватило. Её глаза довольно блеснули.

— Идём за мной. — Она резко отпустила меня и направилась к двери.

Я, тяжело дыша, поплёлся следом, на ходу одёргивая рубашку. Едва мы оказались на крыльце и холодный ветер ударил в лицо, София сбавила шаг и заговорила, не оборачиваясь:

— Слушай внимательно: я прибилась к ним лишь на время, но уже много поняла по пути с ними. Наш командир, Паул Флорин — один из лучших драконоборцев на всём континенте. За мастерство его прозвали Девятым Когтем.

— Но как вы тут?..

— Не перебивай! Никаких безрассудных поступков — он прирождённый убийца. Не говори, пока он сам не спросит. Иначе дашь ему повод проверить тебя на прочность.

К горлу подступил сухой ком. Её слова звучали пугающе серьёзно, но я оставался пуст. Ни страха, ни предвкушения — я просто шёл следом за ней, как ведомый на убой скот, окончательно проваливаясь в эту вязкую тишину. Как вдруг сквозь неё прорвался знакомый крик. София тут же переменилась в лице и резким жестом велела мне держаться сзади. Мы свернули за угол, и я едва не споткнулся: посреди улицы Дек уже сцепился с отрядом, заслоняя собой Люцию.

В глаза сразу бросился невероятный мечник. Двуручник за его спиной был почти с меня ростом — не верилось, что человек вообще способен поднять такую махину. От громоздких лат остались лишь наручи и наколенники — всё остальное заменяла потёртая броня разведчика. Снаряжение старой закалки, как у моего отца: лёгкое, бесшумное и смертельно эффективное.

Но больше всего поражал он сам. Смуглая кожа, неопрятные тёмные волосы и густая щетина — в нём сразу угадывался кадиец. В нашей деревне пара таких бедолаг гнула спины на самых тяжёлых работах, но они едва доставали мне до плеча. От него же веяло первобытной, грубой мощью. Без сомнения — передо мной стоял тот самый Паул, о котором предупреждала София.

Небрежно скрестив руки на груди, он молча наблюдал, как

Дек надрывается от крика.

«Вот же контуженный… Ещё и Люцию в это втянул».

— Да как вы можете?! — воскликнул Дек, схватив воина за воротник. — Обирать трупы, по-вашему, нормально?

Его слова резанули слух, и я невольно взглянул на помятую броню, что они тащили на плечах. В паре из них я узнал те, что сам сорвал с Дека и Люции. А вот остальные… Они содрали их прямо с мертвецов.

Между ними вклинился ещё один воин, на которого я прежде не обратил внимания. Зачёсанные назад чёрные волосы давно не видели чистой воды, как и заношенная одежда. Тонкие, почти женственные черты лица никак не вязались с его холодным, непреклонным взглядом.

Небесно-голубая сталь необычного клинка со свистом покинула ножны и замерла у горла Дека. Острое лезвие оборвало спор.

Он молча оттеснил его в сторону, не отводя клинка от горла. Дек неохотно пятился, но его взгляд кричал: так просто он не отступит. На лезвии проступила тонкая линия крови, но командир жестом велел убрать оружие. Тот вскинул клинок в сторону и с резким треском вогнал его в ножны.

— Мертвецам сталь ни к чему. Да и кто ты такой, чтобы требовать её назад? — спокойно произнёс драконоборец, казалось, насмехаясь над его выходкой.

— Слушай сюда, это мой доспех!

— Тогда почему я нашёл кучу полуразложившихся тру-

пов и брошенную броню?! Если она так важна для тебя, почему ты её не забрал?!

Дек перевёл взгляд на Люцию, пытаясь совладать с гневом. Его голос дрогнул, когда он ответил:

— Нам нужно было время, чтобы вернуться.

— Жалкая отговорка, — отрезал Паул, но в его глазах блеснул опасный интерес. — Слова — это пустой звон. Докажи, что эта груда металла действительно твоя.

Морщась от боли, Дек яростно сорвал повязку с перебитой руки.

— На моей броне есть отметины от когтей химеры, с которой мы сражались.

— Ха! Убедил, — усмехнувшись, произнёс командир, и его тон вновь стал серьёзным. — Но вот тебе совет: смени это старьё на что-то стоящее.

Дек побледнел от ярости:

— Что ты сказал?.. — едва сдерживая дрожь в руках, процедил он.

— Хочешь выжить с нами — сбрось этот ржавый мусор.

— Ублюдок! Не смей сравнивать её с мусором! — взревел Дек, бросаясь на него.

Паул скользнул в сторону и коротко ударил Дека под колено. Тот рухнул на землю.

— Марк, отдай ему броню, — приказал Паул.

С лёгким вздохом Марк поднял с земли перевязанный доспех со следом от удара химеры и пренебрежительно ткнул

им Деку в грудь. От его гнева в один миг не осталось и следа. Мы молча наблюдали, как Дек торопливо натягивает весь перепачканный в грязи доспех. Его взгляд, полный немой просьбы о поддержке, наткнулся на пустоту в глазах Люции.

— Ну что, закончил, юноша? — раздался насмешливый голос. — Тогда стой смирно…

Паул выхватил двуручник. С неимоверной силой он обрушил его перед собой — смертоносный удар рассёк воздух с пронзительным свистом. Дек едва успел отскочить.

С глухим грохотом лезвие вонзилось в землю. На солнце оно слепило белизной полированной кости, и в этом сиянии не было ничего благородного — лишь первобытная, хищная мощь существа, когда-то владевшего этим когтем.

— Почему ты уклонился? — Паул приподнял бровь с нарочитым удивлением. — Я думал, у тебя отличная броня…

— Чтоб тебя… — Дек опешил, так и не найдя, что ответить.

— Этот меч — коготь пожирающего сталь дрейка. Как думаешь, твоя броня защитила бы тебя от такого удара? Отвечай.

— Защитила? — Дек дёрнул ремни с такой силой, будто этот доспех заживо жёг ему кожу. Пряжки жалобно звякнули. Его голос сорвался в хрип: — Нас разорвали на куски… меньше чем за минуту. Всё, что я смог — это закрыть собой старика, который до этого пропил наши шлемы и щиты в вонючем кабаке! Я не думал о битве! Только пятился, пытаясь

спасти хоть кого-то! Если бы я тогда не струсил… если бы я просто ударил первым…

Он не договорил. С тяжёлым лязгом Дек швырнул наручник на камни. Он смотрел на грязный металл у своих ног, как на позорное клеймо, которое наконец-то решился содрать.

Насмешка исчезла. Паул смотрел на него с суровым уважением — как воин на воина.

— Именно поэтому все драконоборцы презирают доспехи. Если ты попал под удар — ты уже покойник. Ваш урок вышел поистине жестоким, но мне важно знать одну вещь…

Он достал из кармана эмблему, переливающуюся алым золотом. Эта эгида — знак высшей доблести. Её вручали лишь настоящим легендам, заслужившим право войти в столицу бессмертных — Аркадию.

— Не знаю, как вам удалось выжить, но теперь у меня есть веская причина взять вас под своё крыло. — Паул подбросил на ладони золотую эмблему. — Кто-нибудь объяснит, что эта вещь делала в такой дыре?

— Кайл Бронзобород… мой наставник. — Дек опустил голову, не в силах смотреть на золото. — Его должны были провозгласить Вечным в столице, но старик променял почести на скитания. Искал выпивку покрепче…

— То есть титул ему дали за то, что он вообще не просыхал? — хмыкнул Паул.

— Нет. За «кошачий порох». Из-за него Аркадия готова

была простить ему любую пьяную выходку.

Я вспомнил байку о безумном кузнеце из столицы — он не расставался с бутылкой даже у горна. Однажды его кошка опрокинула спирт прямо в чашу с порохом для розжига. От случайной искры грохнуло так, что у бедолаги подчистую сгорела борода, а на перепуганном животном не опалилось ни единой шерстинки. Состав прозвали «кошачьим порохом», но рецепта старик так никому и не выдал.

«Значит, тот грязный пьяница и был легендарным Бронзобородом…»

— Ты знаешь рецепт? — спросил Паул.

— Нет, он не посвящал меня в секреты, — Дек замялся, но тут же добавил: — Но старик записывал всё важное в дневник. Он остался в поклаже, на лошадях.

Паул на мгновение умолк. Его взгляд скользнул за плечо Дека, задержавшись на Люции. Девчонка стояла неподвижно, глядя в никуда, — пустая оболочка, которую Дек судорожно пытался защитить. Паул едва заметно прищурился, прикидывая цену этой обузы.

— И что, — он снова перевёл взгляд на парня, — справишься со всем в одиночку?

Дек тяжело вздохнул и покачал головой:

— Боюсь, что нет…

Паул уверенным жестом протянул ему руку:

— Значит, пойдёшь с нами.

Дек на мгновение замер, будто колеблясь, но затем снова

встретился с безжизненным взглядом Люции. Зная, что это единственный шанс выжить для них двоих, он принял союз коротким, крепким рукопожатием.

Паул закинул клинок на плечо, опуская тяжёлый взгляд на меня.

— Докладывай, София, — бросил он, не сводя с меня глаз. — Кого ты притащила?

— Да, окажи милость, просвети нас, — раздался скрипучий голос.

Из ниоткуда между нами возник старик. От него разило пылью и едким табаком, когда он потянулся панибратски обнять нас за плечи. София спешно высвободилась, брезгливо стряхнув его руку. Она со злостью зыркнула на меня.

— Я нашла того, кто добил химеру, — отрезала она.

София ухватила меня за ворот и грубо толкнула вперёд, прямо под ноги командиру. Обувь скользнула по сырой земле, и я едва удержал равновесие, чудом не рухнув лицом в дорожную грязь.

— Марк, — коротко бросил Паул.

Стоявший поодаль мечник молча выудил из поклажи свёрток и швырнул его командиру. Паул поймал его свободной рукой. Внутри лежал меч со знакомой рукоятью. Ножны клинка, которым я поразил химеру, обгорели почти полностью: металл потемнел, а кожа крошилась угольной пылью, пачкая пальцы серой гарью.

Сделав шаг ко мне, Паул протянул изуродованное оружие.

— Ты помнишь, как именно выглядел этот клинок?

— Да… На его лезвии были странные полости, — ответил я, крепко сжимая рукоять. — Совсем не похожие на обычный кровосток.

С тихим скрежетом я потянул сталь из ножен. Рана от когтей тут же отозвалась жгучей болью, а мрачный блеск опалённого лезвия вернул мне всё, через что пришлось пройти. Я застыл, вытащив клинок лишь наполовину. На губах мелькнула горькая усмешка.

Это ведь не мой меч… Но почему я не хочу его отпускать?

С глухим щелчком я вогнал клинок обратно и крепко сжал рукоять. В моих глазах не осталось сомнений — я сделал выбор. Все прежние колебания остались лишь отголоском прошлого меня.

Наши взгляды сошлись. Я смотрел на него так же, как на химеру перед решающим выпадом, но Паул за свою жизнь видел сотни чудовищ. Он знал цену этой решимости — понимал, что именно выгорает внутри после первой крови, и не искал в моём лице раскаяния.

На мгновение его внимание соскользнуло на мою руку, побелевшую от хватки на рукояти. Он тяжело выдохнул и коротко кивнул сам себе.

— Пойдёт, — бросил он, окончательно теряя ко мне интерес.

— София, что там в округе?

— Больных больше, чем я думала.

— Скверно. — Паул коротко глянул на неё, затем на проступающую кровь под моей рубашкой.

— Как твоё имя?

— Элиот.

— София, проследи за ним. Не хватало ещё, чтобы он сдох раньше времени.

Она устало скользнула взглядом по моей повязке и коротко кивнула:

— Положитесь на меня.

Скинув с плеча исполинский клинок, Паул с глухим ударом вогнал его в землю и опёрся на рукоять.

— Что-то нашёл, Гельмит?

— Т-с-с… Закончили болтать? Теперь слушайте внимательно. — Гельмит легонько толкнул Дека в плечо. — Повтори им. Всё, что видел.

Дек сглотнул, глядя куда-то мимо нас. Его голос звучал глухо, будто он так и не вернулся с поля боя.

— В домах… валялся скот. Обглоданный, но без шкур. С них будто кожу сняли целиком. Мы не поняли зачем, пока не увидели её. Тварь куталась в эти лоскуты, как в одежду… вонючее, гнилое тряпьё.

Он на мгновение зажмурился, вспоминая вспышку огня.

— Когда Кайл поджёг её, она сбросила шкуры. Под ними — чёрные перья. Сплошная тень, даже на свету. Жуткая помесь человека и огромного ворона.

— Мальфас, — проскрипел Гельмит, с шелестом перели-

стывая тяжёлые страницы бестиария. — Выведенная тварь. Их разводили в столице ради перьев — шили маскировочные плащи для элитной разведки. После восстания Лапласа эти твари разбежались по лесам. Эх, не повезло нам, Паул… Притащи мы её живой, сразу бы прыгнули на ранг выше.

Кажется, Паула это задело. Командир недовольно цокнул и сплюнул в сторону.

— Твою ж… И зачем только старик Бронзобород всё спалил? — мрачно процедил Паул, разом теряя интерес к разговору. — Ни перьев, ни трофеев. Только воняло хуже любой падали…

— Не просто воняло. — Гельмит поднял палец, призывая к вниманию. — Тут всё: и повадки, и чем эти суки отличаются от кобелей. Самцы — обычные стервятники, мелкие и трусливые. А вот самки… Их изуродованные тела обрекают их на постоянную боль. Эта агония порождает неукротимую ярость, которая наделяет их чудовищной силой. Но самое опасное — это их миазмы. Они метят территорию едким следом, который работает как приманка. Зараза идёт по цепочке: от жука к птице, от птицы к змее… В итоге всё живое в округе медленно угасает.

Гельмит с шелестом перевернул страницу, поправляя монокль. София, стоявшая за спиной старика, вчиталась в новые строки. Её лицо тотчас побледнело, а взгляд оледенел, словно на пожелтевшей бумаге ожил её собственный кошмар.

— Химере даже охотиться не нужно, — тихо добавила она, не отрывая глаз от книги и едва скрывая дрожь в голосе. — Она просто обходит владения и утягивает в логово тех, кто уже сдался.

— Похоже, именно это убивает вашу деревню, — подытожил Гельмит, глухо закрывая бестиарий. — Вы не просто больны, Элиот. Для неё вы все — помеченный скот.

Старик тяжело вздохнул, пряча монокль в карман. Коротким жестом он отозвал Паула и Марка в сторону.

София переменилась в лице. Проводив командиров взглядом, она шагнула ко мне. Тревога в её глазах исчезла, уступив место холодной, почти хищной улыбке.

— Итак, теперь ты с нами… — протянула она вполголоса, не отрывая взгляда. — Как ощущения?

В глазах на миг потемнело. Усталость навалилась с новой силой. Я медленно потёр лицо ладонью. Её вопрос раз за разом крутился в голове, но смысл ускользал.

— Я не знаю… — наконец выдохнул я. Откинул волосы назад и поднял взгляд к безоблачному небу.

София подошла вплотную — меня снова окутал едва уловимый аромат трав. Её пальцы коснулись рукояти обожжённого меча, который я всё ещё сжимал в руке. Она накрыла мою ладонь своей — холодной и неожиданно сильной.

— Привыкай к этому «не знаю», — прошептала она, и в её голосе больше не было издёвки. — У нас это единственное, в чём можно быть уверенным.

Она плавно развернулась и зашагала вслед за командиром, оставив меня наедине с тяжестью чужого клинка и запахом гари, который, казалось, навечно въелся в мою кожу.

Глава 6. Между светом дня и тенью нежити

Мы с Деком обменялись короткими взглядами и, не сговариваясь, отошли за старый остов дома. Едва мы скрылись от остальных, Дек впечатал кулак в деревянную опору.

— Я им не доверяю, — выплюнул он.

— Ещё бы…

— Думаешь, зря?

— У нас нет выбора, Дек. Ни у тебя, ни у меня.

— Даже если так, просто идти у них на поводу я не собираюсь, — он разжал пальцы, хмуро разглядывая ладонь, ещё недавно сжимавшую руку Паула.

Люция за его спиной не сводила с меня глаз. Чёрные пряди прятали увечье под повязкой, возвращая лицу прежние черты. Она безмолвно выдохнула и неуверенно потянулась ко мне, но Дек продолжил:

— Этот тип не побрезгует нажиться и на трупах, — он коснулся свежего пореза на горле. — За дневник он вскроет нам глотки, не моргнув и глазом.

— Разве он не предложил тебе место в отряде?

— Я не могу просто взять и поверить ему. Не пока Люция в таком состоянии. Ты не знаешь, Элиот, что делают с беззащитными? За пределами столицы сотни таких попадают в

рабство, едва высунув нос из гнезда. Она этого не заслужила.

Люция вновь поникла, медленно опуская руку. Что-то в словах Дека давило на неё больше, чем мы могли представить. Нас окликнули.

— Дек, я сделал выбор, — отрезал я. — Доверять им или нет — дело твоё. Но я пойду за ними, потому что иначе не могу.

— И ты просто… оставишь им деревню?

Его слова полоснули по живому, пробившись сквозь мою пустоту. Я взглянул на него со злостью, и Дек, кажется, принял этот гнев за понимание. Мы молча вернулись к отряду.

— Так, слушайте сюда! — голос Паула перекрыл шум сборов. — Вы пятеро берёте лошадей и скачете в Аспер. Город на северо-востоке, под самым хребтом Амфодром. Марк, ты за старшего. Как доберётесь — обменяете старое барахло и лошадей на провизию с ночлегом. Ждите нас там, пока мы лечим местную заразу. Новичкам подберёте снаряжение на месте. На сборы — час. Возражения есть?

Люция уже развернулась, чтобы идти к стойлу, когда Дек перехватил её за руку.

— Обменять коней?! Вы путь пешком держите или забыли, где провизию выдают? — возмутился он.

Паул угрожающе склонился над Деком, отбрасывая на него тень.

— Жить надоело? Или мозгов не хватает понять, почему мы коней не прокормим, а?!

Дек даже глазом не повёл, но его уверенность уже граничила с безрассудством.

— Держу пари, в последней битве ты так же стоял и хлопал глазами, пока твой отряд рвали на куски, — с издёвкой бросил Паул. — Наверняка твой наставник сдох, так и не дождавшись помощи.

Взгляд Дека остекленел, а кулаки сжались до предела. Ещё мгновение, и они бы сцепились, но Люция потянула его за руку, безмолвно моля отступить. Гельмит тоже вмешался, встав между ними.

— Достаточно, Паул…

Драконоборец гордо вскинул голову, будто только и ждал повода втоптать наглеца в грязь.

— Парень не привык к жизни в обычных отрядах. С Вечным он, небось, о жратве и не задумывался… — его голос дрогнул — старик испугался собственных слов.

Паул вздёрнул бровь и едко рассмеялся, словно ничего и не было, похлопывая старика по плечу. Все молчали, не зная, что будет дальше. Паул достал эгиду и осмотрел её на солнце:

— Ну понятно… Теперь это опасная находка, да? Воспользуешься ею всего раз — и тебе могут отрубить руки, если она тебе не по чину… — произнёс он и небрежно швырнул её Марку. — Оставляю на тебя.

Дек опешил: один из ценнейших артефактов империи швырнули, словно мусор, — вещь его погибшего наставника. Кажется, до него наконец дошло. Подобрав комплекты и

закинув их на плечо, он молча взял Люцию за руку и направился к лошадям. За ним потянулись остальные, взглядами поторапливая меня. Осталось лишь попрощаться с родными, прежде чем нагнать отряд.

Подойдя к порогу, я сжал обугленные ножны меча. Каждый шаг отзывался в груди эхом прощания. И всё равно не мог поверить, что больше сюда не вернусь.

Зайдя в комнату к сестре, я тихо опустился на стул рядом с её кроватью. Болезнь неумолимо забирала её последние силы. Её бледное, измождённое лицо застыло, и лишь слабое, прерывистое дыхание выдавало в ней жизнь. Я не мог оставить её такой… К горлу подступил ком…

Я напоил сестру, заботливо укрыл её пледом, поцеловал в лоб и ушёл на кухню. Мама спокойно сидела у окна, задумчиво глядя куда-то вдаль. Она всегда говорила тихо и никогда не срывалась на крик. За всю жизнь я не помнил, чтобы мы хоть раз ссорились. Тихо подойдя, я опустился на колени и обнял её сзади, прижимаясь к спине.

— Мне нужно идти.

— Я знаю… — ответила она. Её рука легла на мою, мягко поглаживая. — Да осветит Солнце твой путь.

Губы дрогнули. На мгновение я замер, а затем лишь крепче прижал её к себе.

— Спасибо за всё.

Напоследок, войдя в свою комнату, я заметил окровавленную рубашку, которой перевязывал раны. Я поднял её с по-

ла, и с ткани посыпалась засохшая кровь. Обугленное дерево ножен тоже крошилось в руках — в таком виде они не выдержат долгой дороги. Порывшись в шкафу, я нашёл плотную ткань и туго обмотал их. Возможно, городской мастер починит их или хотя бы прольёт свет на загадочный порох.

Я собрал вещи и лёг на кровать, бездумно уставившись в потолок. Солнечный свет, пробивающийся через окно, высвечивал каждую пылинку в воздухе. Мысли наконец-то успокоились, и я просто лежал, думая обо всём и ни о чём одновременно. Дремоту разорвал гулкий грохот за дверью. Я выскочил в коридор: мама оседала по стене, не в силах подняться. Она отвела взгляд, прикрывая лицо рукой.

— Нет, прошу…

— Всё хорошо, — сказал я, помогая ей подняться. Но она крепко вцепилась в мою одежду, тихо рыдая. Ноги её почти не держали, но руки не хотели меня отпускать.

— Они не должны были тебя забирать… — выдохнула она сквозь слёзы, комкая ткань.

Она до самого конца гнала от себя эту мысль, хотя в глубине души будто знала всё наперёд. Отстранив её от себя, я сказал то, что должен был:

— Я сам выбрал этот путь.

— Что? — Она слегка отстранилась, её глаза блеснули от пролитых слёз. — Как же так?.. — Мама вновь сползла по стене на колени, закрывая лицо руками.

Хотелось солгать, что я вернусь, но слова застряли в гор-

ле. Дать ложную надежду сейчас — значит жестоко предать потом. Я развернулся и вышел за дверь. Боль расставания сдавила рёбра. Свободная рука сама собой вцепилась в косяк, пальцы до белизны вдавились в старое дерево.

Глубокий, рваный вдох помог прийти в себя. У выхода уже ждал отец. Он стоял, прислонившись к стене дома, не отводя глаз от истребителей. Из-под армейского плаща виднелась старая кожаная броня — потрескавшаяся и вытертая в долгих походах.

— Отец… в лес сейчас лучше не соваться. Тварь отравила там всё. Пока не пройдут ливни, об охоте можно забыть, — произнёс я, глядя на его старую броню.

— Знаю, Элиот. С голоду точно не умрём, — ровно ответил он, переведя взгляд на меня. — О себе думай. Путь будет тяжёлым.

Я невольно опустил взгляд на свои руки, крепче сжимая грубую ткань, которой обмотал обугленные ножны. Я знал — он и не посмотрит на меня, если я продолжу этот пустой трёп. На языке вертелся единственный, самый важный вопрос:

— О чём мне нельзя забывать?

Он перевёл на меня тяжёлый взгляд и твёрдо ответил:

— У тебя всегда есть выбор. Помни об этом.

Я задержался лишь на миг, прежде чем шагнуть к отряду. Он не обнял меня. Не сказал беречь себя. Просто кивнул. Для меня его застывшая фигура слилась со стеной, став ещё

одним старым камнем в основании дома. Таким я его и запомнил.

Остальные уже накинули плащи и готовились в путь. Пока Марк и София привычными, скупыми движениями крепили броню к сёдлам, Дек суетился, забирая поклажу у раненой Люции и едва поспевая за остальными. София одним плавным движением взлетела в седло — лошадь под ней даже не шелохнулась. Марк вскочил в седло следом за ней с присущей ему небрежной сноровкой.

— Ты уже закончил? — София вскинула бровь. Её голос прозвучал резко, будто она не верила, что я смог управиться так быстро.

— Отлично, тогда в путь, — не оборачиваясь, отрезал Марк, тронувшись вперёд. Его тон не терпел возражений, словно всё решили до моего появления.

— Может, передохнём перед дорогой? — предложил Дек, но его слова прошли мимо.

Люция также без промедлений запрыгнула на коня и, хлестнув поводьями, поскакала следом.

— Т-с-с! Что за сукин сын… — процедил Дек, лениво перекидывая ногу через седло.

В стойле остался единственный конь, рядом с которым лежала обугленная броня Бронзобороды. Доспех разил сгоревшей плотью, будто он сплавился с покойником воедино, но сталь ещё могла послужить. Ремни креплений начисто сгорели, поэтому пришлось рассовать его части по седельным

сумкам.

София не спешила за остальными. Она смотрела сквозь меня и до побеления пальцев сжимала поводья, не решаясь тронуться с места.

— Командир, я действительно ничем не могу помочь?!

Паул вальяжно обернулся, а Гельмит лишь молча взглянул на него искоса, оставаясь натянуто спокойным.

— Не волнуйся, крошка! Мы быстро тут справимся, честное драконоборское! — осклабился Паул, вскинув большой палец вверх.

София лишь презрительно поджала губы — его бравада её только разозлила. Бросив на него тяжёлый взгляд, она резко развернула коня и пустила его вперёд. Марк с остальными ускакали уже далеко, и медлить было нельзя. Я пристроился бок о бок с Софией, но так и не решился спросить, что её задело. Нагнав остальных, мы тронулись в путь.

Наш отряд бодро продвигался по наезженному караванному тракту. Попутный ветер мягко подталкивал в спины, а отдохнувшие в деревне кони были полны сил — хорошо, что Дек догадался расседлать их сразу после того, как отец залатал его раны. Тогда, в редкие минуты отдыха, Дек всё возился с дневником своего наставника. Глядя, как он морщится над страницами, я грешным делом подумал, что парень не знает грамоты. Но записи там — сущий кошмар: корявые, расплывчатые, разобрать их можно разве что по зарисовкам. Теперь, когда меч Бронзобороды висит у меня на поясе, эти

каракули будто напрямую касались и меня.

Дорога выматывала. Я то и дело проваливался в серую дремоту, из которой меня выдёргивал лишь мерный перестук копыт. В полусне я невольно засматривался на Софию. Следил, как она плавно покачивается в седле и как ветер лениво перебирает пряди её волос. Иногда она тоже оборачивалась, и наши взгляды на мгновение сталкивались, но мы тут же отводили глаза, упрямо делая вид, что заняты только дорогой.

Солнце клонилось к закату. Дек глубоко зевнул, опустив уставший взгляд на меч Марка, а потом и на него самого:

— Слушай, тебя ведь Марк зовут, так?

Марк на мгновение перевёл взгляд, но не стал отвечать, делая вид, что не услышал.

— Старших нет, Марк. Можем говорить без оглядки.

— С отребьем не беседую, — холодно отрезал Марк.

— О-о-о, так ты у нас имперских кровей? В столице ведь как: слабого жрут либо за дело, либо просто чтобы зубы почесать. Вот и ты мне горло полоснул — чисто из интереса или по старой столичной привычке?

Марк молчал. Он держался в седле с той уверенностью, которой нам с Деком так не хватало после бессонных ночей. Дек хотел снова его задеть, но резко прикусил язык — наши кони внезапно встали на дыбы и захрипели от страха. Они попятились, взрывая копытами дёрн, будто мы гнали их прямиком в огонь.

Мы замерли, всматриваясь в золотое марево полей. Там, у самой кромки кустов, мелькнул силуэт. Силуэт дёргался рвано, неестественно, а закатное солнце мешало рассмотреть лучше.

Пришлось спешиться и чуть ли не волоком тащить коней за собой. Мы осторожно двинулись вниз по склону навстречу этой тени. Хотя животные упирались, я всё ещё не верил в реальную угрозу — в голове не укладывалось, что здесь, в открытом поле, может завязаться бой.

С каждым шагом мне всё меньше верилось в увиденное, но оно неумолимо двигалось навстречу. К нам ковыляла полуразложившаяся лошадь. Она волочила за собой труп всадника, чья искалеченная нога намертво застряла в стремени. Старухи пугали нас: кто умер в жутких муках, восстаёт с разинутой в крике пастью. Я считал это сказками. Но это… не крик — зубы частоколом проросли из гортани и сгнившего среза черепа. Клыки вспороли плоть изнутри, и почерневший язык намертво нанизался на них, иссохнув под солнцем.

«Что за чудовищная смерть…»

Чумная лошадь не обращала на нас внимания, но мертвец, которого она волокла по земле, потянулся к нам. Он жутко хрипел, жадно цепляясь сгнившими пальцами за землю. Наши лошади беспокойно забили копытами. Неожиданно одна из них взвилась на дыбы и вырвалась из рук Люции, повалив её на землю. Та на мгновение замерла, но затем медленно поднялась, глядя перед собой прояснившимся взгля-

дом.

— Люция, ты в порядке?! — воскликнул Дек, бросаясь к ней.

Её взгляд вдруг обрёл цель. Зрачок сузился, вспыхнув чистой яростью. Едва Дек успел наклониться, её кулак с сухим, хлёстким звуком врезался ему в челюсть.

— Тупой урод! Кретин! Меня зовут Флавия, ты, безмозглый кусок дерьма! Ты звал меня именем моей мёртвой сестры! Ещё и лапал меня, пока я валялась в отключке! — прорычала она, в бешенстве пиная его по ноге.

Впрочем, била она скорее от обиды, чем в полную силу — Дек даже не пытался уворачиваться, скрывая за руками кривую улыбку.

— Куда ты убежала, тупая кляча?! — Внезапно её внимание резко переместилось на струсившую лошадь. — Неужели испугалась этого мешка с дерьмом? — Выхватив меч, она решительно двинулась навстречу нежити. Чумная лошадь с мерзким хлюпаньем бросилась на Флавию, на ходу теряя куски гниющей плоти.

Флавия скользнула в нижнюю стойку. Два точных взмаха — и клинок подсёк гнилые суставы твари. Лошадь рухнула, судорожно брыкаясь, но Флавия уже прыгнула сверху. Её выверенные удары сменились слепой, истеричной рубкой. Она била снова и снова, с остервенением превращая гниющую тушу в кровавое месиво.

С лёгким вздохом она вытерла пот со лба и, повернувшись

к нам, улыбнулась.

— Запомните: я Флавия, — заключила она, резким взмахом стряхивая кровь с клинка.

— Флавия… — повторила София, смотря на омерзительную тушу под её ногами.

Марк придержал коня, не сводя глаз с её меча и глубоких рубцов на гниющей плоти. Дек вышел вперёд, она же шагнула навстречу, резко ударив его лбом в нос. Из-под повязки потекла кровь, но Флавию это совершенно не волновало.

— Ещё раз назовёшь меня тем именем — понял?! — процедила она, буравя его взглядом, полным отвращения.

Из разбитого носа Дека хлынула кровь, но он всё равно улыбнулся ей.

— Я просто рад, что ты наконец пришла в себя.

— Болван… — пробурчала Флавия, потупившись. — Спасибо, что не бросил меня. — Она перевела взгляд на меня, но лишь сильнее поджала губы.

София бросилась к Флавии, отчаянно перебирая припарки в сумке — от резкого удара швы на изуродованной половине её лица разошлись, и из-под повязки снова потекла кровь. Флавия лишь отмахивалась рукой, морщась, но уверяя, что с ней всё в порядке, хотя её побледневшее лицо и слегка подрагивающие губы говорили об обратном. Дек так и остался сидеть на траве, стирая с лица свежую кровь.

В горле запеклась желчь. Меня едва не вырвало. Глубоко вздохнув, я вновь взглянул на Флавию.

«Да что с ней такое… Разве можно такую боль просто перечеркнуть клинком?»

Сбоку мелькнуло движение — придавленный лошадью мертвец всё ещё упрямо полз к нам, скребя землю сгнившими ногтями. Я отшатнулся, но остальным не было до него дела. Один его вид вопил об опасности, только рвота поднималась у меня одного.

«Что, чёрт возьми, с ними не так?»

Глава 7. Сумеречный путь

Отвратительное месиво медленно тянулось к нам, даже изрубленное на куски. Однако это зрелище тревожило только меня. От каждого вялого движения нежити к горлу подкатывала тошнота. И всё же я заставлял себя смотреть, пытаясь привыкнуть к этой мерзости, равняясь на остальных. Взгляд зацепился за надорванный подсумок мертвеца. Из него торчал кусок пергамента. Развернув находку, я едва смог различить залитый кровью приказ:

«Вблизи города Аспер обнаружен грифон Аполлиона! Приказ всем истребителям — брать живьём! Собственность империи! Награда — оружие и снаряжение, снятое с убитой твари!»

Низ листа занимал набросок: крылатое исчадие с головой, напоминающей птицу, и туловищем неизвестного мне хищника. Спину чудовища усеивало оружие — шпаги, алебарды и мечи торчали прямо из плоти. Так вот что они называли «снаряжением».

«Дело дрянь».

Я высоко поднял приказ, привлекая внимание. Но не успел я произнести и слова, как Марк перехватил его из моих рук, не дав остальным ни шанса его рассмотреть. Он разглядел рисунок и задумчиво покосился на останки.

— Седлайтесь, дорога не ждёт, — отрезал он, откинув мне

пергамент.

— Но разве это не опасно?

— Что? Седлать коней?

— Нет, продолжить путь.

Марк со вздохом достал клинок и указал на едва различимый силуэт гор на горизонте:

— Тварь замечена у Аспера, логово её где-то на хребте. А до такого состояния… — он постучал мечом по зубастым краям черепа трупной лошади, — за один день не сгниёшь.

Он сухо кашлянул и отступил от трупного смрада, оставив меня один на один с его словами.

— Ещё вопросы есть? — выжидающе постукивая мечом по плечу, спросил он.

— Нет. И… спасибо тебе.

Он поморщился, будто от слова «спасибо» у него свело зубы. С резким лязгом вогнал меч в ножны и, не оборачиваясь, зашагал к лошади.

Подойдя ко мне со спины, Флавия молча выхватила пергамент. Впилась взглядом в строчки и потом злобно зыркнула на нас с Марком. София заглянула ей через плечо — её внимание приковал искусно нарисованный грифон. Но тут нас ослепила яркая вспышка: Дек облил труп горючей смесью и поджёг его.

Флавия замерла, уставившись на Дека. Потеряв интерес к находке, она выронила бумагу; ветер тут же подхватил её и понёс к огню. Я едва успел схватить листок, но края уже опа-

лились, источая едкий запах гари. Подняв голову, я встретился взглядом с тлеющими глазницами мертвеца, который сквозь пожирающее пламя тянулся к нам из-под лошадиной туши.

Я судорожно отполз, вгрызаясь сапогами в грязь. Дыхание обожгло дымом, а по спине прокатился ледяной пот. В голове замелькали лица тех, кого я не мог спасти. Руки задрожали, и я непроизвольно сжал кулаки, вырывая траву вместе с землёй.

Резкий хруст выдернул меня из кошмара. Я обернулся на звук прежде чем Дек повалился на землю: Флавия с силой всадила кулак ему в челюсть.

— Что ты натворил, идиот?! Это был наш запас… Последние, чёрт возьми! — Флавия вцепилась в его воротник, её голос сорвался на визг.

Дек, потирая челюсть, виновато осклабился:

— Ну… прости?

Это только сильнее разозлило Флавию.

Мы стояли в стороне, молча наблюдая, как догорают остатки. Вскоре Флавия выдохлась, и над поляной повисла гнетущая тишина. В этом затишье я поймал взгляд Марка — он смотрел не на пламя, а куда-то сквозь него. София замерла рядом; их плечи почти коснулись. Огонь оставил после себя лишь серый пепел и тлеющие кости.

Когда пламя окончательно стихло, тишину разбила очередная ругань Флавии. Она снова клялась прикончить Дека

при первом же удобном случае. Мы невольно улыбнулись — тяжёлое оцепенение спало. Мы едва растащили их по сторонам. Помирить даже не пытались — так и продолжили путь под их язвительную перепалку.

Дорога свернула в чащу, и мы углубились в сумеречный лес. Тени деревьев окутывали всё вокруг, но мы не сбавляли шаг. Почти час крутого подъёма окончательно измотал лошадей — пришлось спешиться и вести их под уздцы.

По пути тишину всё чаще нарушал далёкий рокот воды. Наконец деревья расступились, и перед нами открылся захватывающий вид: широкий, мощный водопад срывался в бездну каньона, превращая его дно в зеркало глубокого озера. Мы стояли достаточно высоко — весь разлом был виден как на ладони. Закатное солнце заливало пейзаж золотом и багрянцем, заглушая даже мою тоску.

— Староста говорил, этот разлом… не от природы, — я с трудом перевёл дух, глядя в бездну. — Империя выжигала здесь нежить, а потом… с небес рухнул осколок кометы.

Дек с сомнением посмотрел вниз.

— Кометы? Поэтому деревня в низине затоплена?

— Русло изменилось, — кивнул я. — И потом сюда сбежались кузнецы за небесным металлом. Так и вырос Аспер.

— Отличный шанс починить твой меч, Элиот, — заметил Марк.

— Главное — найти мастера, готового за это взяться.

— А дальше — дело за малым. Верно, Элиот? — Флавия

крепко вцепилась мне в локоть.

София бесшумно прильнула с другой стороны.

— А что ещё ты знаешь об этом месте? — она по-хозяйски положила подбородок мне на плечо, не сводя глаз с Флавии.

— Руки прочь, лисица! — угрожающе прошипела Флавия и резко одёрнула меня в сторону.

Они столкнулись друг с другом грудью, забыв обо мне. Марк и Дек с постными лицами перевели взгляд на чащу.

«А эти двое хорошо их знают…»

— Нашла время хвостом крутить! — надменно бросила Флавия.

— Едва голос прорезался — и сразу кусаться, да? — не отступая, бросила София, обнажая зубы в оскале.

Оставив их ядовито шипеть друг на друга, мы с Марком и Деком повели лошадей вперёд — подальше от их грызни, в спасительную тишину наступающих сумерек. Над нами разворачивалось иное сражение: багряный закат медленно уходил за горизонт, укутанный тёмными тучами с длинными фиолетовыми шлейфами. Старые легенды гласят, что эти небесные нити — клыки Штормового Дракона. Стремясь пожрать всё под Солнцем, он взял кусок, оказавшийся ему не по зубам, и теперь не в силах сомкнуть пасть. Говорят, он спит на самой вершине Ледяного Пика с начала времён. Внизу леса и поля стремительно наливались синевой, растворяясь в сумерках.

Девчонки нагнали нас растрёпанными, но довольными.

Тусклый свет убывающей Луны едва выхватывал тропу — где уж там уловить, кто на кого смотрит, но спина всё равно чесалась от их взглядов. Я не сомневался: несмотря на перемирие, они ещё долго не дадут мне покоя.

Мы порядком устали — дорога бесконечно тянулась вверх, пока во мраке не замерцал свет. Впереди один за другим загорались маленькие огоньки, которые тянули нас к себе, словно мотыльков. Скала пестрела огнями домов, чьи очертания тонули в тусклом лунном свете. Давно перевалило за полночь. Я едва переставлял ноги. Даже холодная земля теперь казалась мне роскошной постелью.

«Хоть бы у них нашлось место для ночлега…»

Город отбрасывал на нас длинные тени, маня обещанием скорого привала. Но я рано расслабился — ночных гостей здесь не жаловали. На широких стенах мелькали силуэты дозорных, высматривающих в темноте чужаков. Внизу уже ждала вооружённая стража. У самых ворот нас резко окликнул подвыпивший солдат, едва ворочая языком:

— Стоять! Ночью не пустим! А ну, пошли вон!

Он махнул рукой в сторону, едва не рухнув в грязь.

Все напряглись, но Марк шёл так, будто город принадлежал ему, положив руку на ножны своего жуткого меча.

— Э-эй! Ты что, оглох?! — раздался резкий возглас, и стражники наставили алебарды на него, приготовившись атаковать.

Марк невозмутимо ткнул стражникам в лицо печать Веч-

ного.

— Мы по следу грифона. Живо открывайте, — откидывая засаленные волосы назад, произнёс он.

Он нетерпеливо подозвал меня. Я подыграл: шагнул вперёд и протянул приказ, пряча лохмотья в тени. Марк перехватил у меня бумагу и ткнул ею в лицо стражнику. С солдата мигом слетел хмель, а остальные испуганно засуетились. Кто-то гаркнул: «Открыть ворота!», и тяжёлые створки распахнулись. Стражники тут же спихнули нас на грязного мальчишку. Измождённый, босой заморыш — обычный беспризорник — не проронил ни слова, пока вёл нас к таверне. Там мы сняли поклажу с лошадей, оставив на них только сёдла, и вошли внутрь.

В зале витал аромат тёплого хлеба и старого дерева. Лампы давали мягкий, успокаивающий свет, выхватывая из полумрака одинокие столы и широкую барную стойку. Наконец половицы тяжело скрипнули — к нам вышел грузный мужчина, похожий на дикого кабана. Он зыркнул на мальчишку, отчего тот убежал, а затем перевёл более сдержанный, но всё ещё недружелюбный взгляд на нас:

— Пятеро людей и лошадей… — проворчал он, но Марк уже вскинул эмблему.

Хозяин таверны замер от удивления, но быстро взял себя в руки, странно ухмыльнувшись:

— Второй за неделю… Неужто в город возвращаются былые деньки?

— Хватит болтать, мы устали, — оборвал его Марк.

— Помыться тоже бы не помешало, — потягиваясь, как бы невзначай сказала Флавия.

Марк небрежно хлопнул ладонью по стойке:

— Каждому по комнате!

— Разумеется, господа, сию минуту! С дороги бы ещё и в баньку, да? Сделаем в лучшем виде! Бэль! Живо сюда, проводи гостей! — крикнул он вполголоса, обращаясь куда-то наверх.

Помощница спустилась не со второго этажа, а вынырнула из погреба. К нам вышла пышногрудая девушка в откровенном платье, с распущенными волосами и хищным блеском в глазах. А следом за ней, крадучись, словно воришка, проскользнул мужчина с наспех застёгнутой рубахой. Хозяин таверны тут же зарычал, ударил кулаком по стойке, и незваный гость стремительно выскочил вон.

— Пап, не шуми, постояльцев разбудишь… — осадила она, примирительно коснувшись его руки.

— Хватит болтать, займись гостями. А я — в конюшню, — проворчал он.

Она скользнула по нам взглядом и плотоядно уставилась на меня. Её губы тронула игривая улыбка, но тут София недовольно фыркнула и мёртвой хваткой вцепилась в моё плечо. Флавия чуть поодаль едва слышно фыркнула и смахнула несуществующую пылинку с манжеты. Бэль лишь отвела взгляд, звякнула ключами и зашагала на второй этаж. Мы

последовали за ней.

Нам мельком показали комнаты — на удивление чистые и просторные. Особенно выделялась большая кровать у окна с хорошим видом на озеро и звёздное небо. Бэль предложила пройти в баню, и мы неохотно согласились, собрав последние силы. Вручив всем по полотенцу, она нагло отобрала нашу одежду, пообещав отстирать её как следует. Правда, брать вещи наших спутниц она наотрез отказалась — в её взгляде читалась откровенная неприязнь. Пришлось даже уговаривать.

Часть таверны уходила в скалу, поэтому в дальних углах тянуло сырым холодом. Прогуливаясь по коридору, я насчитал около десяти комнат на первом этаже, а наверху — ещё восемь. Особняком стояли две двери с искусной резьбой — слишком роскошной для простых постояльцев. Видно, там спал сам хозяин с дочерью.

Просторную купальню делила надвое лишь тонкая стенка. Парни вели себя странно: Марк, явно не любивший мыться, прижался к углу с потерянным видом, а Дек постоянно вздыхал, будто нарочно делая это громче обычного. С другой стороны, девушки тихо над чем-то посмеивались, но Флавия иногда шипела от боли. Мытьё с такой раной явно превратилось в пытку.

Горячая вода смыла грязь, немного притупив усталость. Перед сном я погасил лампы одну за другой. Мерцавший в них огонь всколыхнул в памяти то, о чём я предпочёл бы за-

быть. Пламя связывало самые мрачные моменты моей жизни: сначала демон-ворон, потом нежить… Огонь будто выжигал душу, оставляя внутри лишь звенящую пустоту.

«Надеюсь, наша хитрость с эгидой останется незамеченной».

Упав на постель, я какое-то время безучастно смотрел на бледный лунный свет в окне. Усталость вытравила все мысли, оставив лишь тяжесть в костях. Сквозняк с жалобным скрипом качнул дверь, но я слишком вымотался, чтобы встать и задвинуть щеколду. Я прикрыл глаза, проваливаясь в сон, как вдруг постель тяжело просела, и меня обдало чужим теплом.

С трудом продрав глаза, я наткнулся на пылающий взгляд Софии. За её плечом, на стене коридора, колыхнулась длинная тень, но София тут же вернула моё внимание. Она мягко провела ладонью по моему лицу, заставляя смотреть только на неё, и прижалась ко мне, обжигая ухо горячим шёпотом:

— Тише… Я просто осмотрю твои раны…

София впилась в мою шею коротким укусом, тут же накрыв острую боль мягкими губами. Её ладони жадно заскользили по телу, изучая каждый шрам и каждую ссадину. Дыхание участилось, становясь невыносимо горячим. Она перекинула ногу и плавно опустилась мне на бёдра; её пальцы мелко задрожали на моей груди.

София медленно стянула с плеч рубаху и, перехватив мою ладонь, прижала её к своей обнажённой коже. Но стоило мо-

им пальцам коснуться её, как она замерла. Её взгляд застыл на пустой стене, с губ сорвался едва слышный хрип, а руки впились в мои запястья, пригвождая их к постели мёртвой хваткой. В бледном лунном свете по её щеке скользнула слеза.

Глава 8. Город мастеров

София резко ударила меня в грудь. Я невольно стиснул зубы. Она смахнула слезу и откинула одеяло. Её губы скривились в отвращении. Она вцепилась в засохшие узлы, грубо сдирая окровавленные бинты.

— Прости. Я же пришла тебя подлатать.

София потянула меня на себя, заставляя сесть. С каждой секундой пальцы впивались в кожу всё больнее, пока она наконец не отбросила бинты. Нахмурившись, она набросила на плечи рубашку и поднялась. Босые ноги бесшумно коснулись досок. Неспешно подойдя к тумбочке, она подхватила лампадку и по-кошачьи скрылась в коридоре.

Со лба упала капля пота. Следом, отмеряя секунды, сорвалась капля крови и разбилась о тыльную сторону ладони.

— Что это было? — сорвалось с губ в пустоту комнаты.

Свободной рукой я вытер лицо краем одеяла, борясь с ноющей болью в рёбрах.

Свет из приоткрытой двери резанул по глазам. София вернулась так же стремительно, как и ушла, сжимая в руках сумку с притираниями. Взгляд сам собой задержался на её подтянутом животе, но София тут же осадила меня коротким цоканьем:

— Что смотришь? — бросила она и, не дав мне ответить, резко дёрнула мою руку, стягивая к краю кровати. Едва схва-

тившаяся рана снова разошлась с тупой, тягучей болью.

Поднеся огонь ближе, София начала неторопливо обрабатывать порез. Мне пришлось снова сцепить зубы, пока она хладнокровно втирала мазь. Накрывая рану, она туго накладывала витки бинта, перекидывая их от груди к плечу. Каждый слой давался ей всё сложнее, а руки заметно задрожали. Она пыталась затянуть узел, но пальцы не слушались, а по щекам уже вовсю катились слёзы.

— Прости… я не хотела… я не знаю, что со мной… — Её голос сорвался, и она беззвучно зарыдала, спрятав лицо в ладонях.

Я замер, боясь сделать ей ещё больнее. Осторожно коснулся её ладони, но София отстранилась. Тогда я просто подался навстречу и прижал её к себе.

Вздохнув, София всем телом прильнула ко мне, и мы вновь повалились на мягкую кровать. Уткнувшись мне в шею, она всхлипывала, сжимая мои руки в надрыве. Но вскоре её тело расслабилось, а дыхание выровнялось.

И снова тишина, и всё тот же вопрос:

— Что?..

Но я прервал себя на полуслове, услышав, как она тихо сопит мне в плечо.

Стараясь не будить её, я устроился удобнее, переминаясь в изгибах её тела. В груди вновь поднялось тепло. Горячее дыхание у кожи и запах волос толкали ладони вперёд быстрее, чем я успевал соображать. Пальцы плавно сдвинули с её

плеча рубашку, открывая чуть больше, чем следовало.

Резкий удар за стеной будто уличил меня в собственных мыслях. Я вздрогнул, рывком натягивая на Софию одеяло, и уставился в потолок. Сразу за грохотом раздался скулёж — наверняка там кувыркалась дочь трактирщика. С досадой цокнув, я сдался:

«На сегодня хватит…»

Сон накрыл меня раньше, чем погасла зажжённая Софией свеча.

Шум в ушах оборвался на рассвете, когда с края кровати с грохотом свалился меч. Я вскочил, тяжело дыша, и с облегчением осознал: София ушла. Но мысли о прошлой ночи то и дело перебивало назойливое шуршание за стеной. Взгляд упал на постель, и внутри всё сжалось. Кровь густо пропитала бельё, хотя сами бинты на рёбрах плотно держались и почти не намокли.

«И сколько же я её тогда ждал, пока она ходила за лекарствами… Неважно. Главное, чтобы прислуга не увидела это бурое месиво. Если Бэль заглянет в комнату — точно припишет нам с Софией лишнее».

Разминка далась на удивление просто. Тело обрело непривычную лёгкость, какой я не знал целую вечность. После трёх суток на ногах и ухода за больными эта бодрость казалась почти чужой. А шуршание с лёгким скрежетом сместилось прямо к моей двери, будто кто-то нарочно испытывал моё терпение. Не теряя времени, я накинул одежду, закре-

пив под ремнём пепельный меч. На небольшом комоде у выхода лежала та самая фиалка, что раньше украшала Софию. Она совсем иссохла, едва не рассыпавшись в руке. Стоило моим мыслям вернуться к ней, как скрежет за дверью стал невыносимым, заставив меня в гневе выскочить из комнаты.

Правда, весь мой пыл тут же улетучился — проход загородил здоровенный лохматый пёс. Он ткнулся длинной лисьей мордой мне в грудь, тяжело дыша. Белоснежную шерсть пересекали кроваво-алые полосы, а на шее висел грубый ошейник из толстой цепи. Его густой хвост без остановки вилял, время от времени стуча по полу. Я отшагнул — пёс мгновенно оскалился и глухо зарычал, странно при этом облизываясь.

— Эй… Тише, дружок… — прошептал я, стараясь медленно отходить.

За спиной пса захлопнулась дверь, и в коридор, пошатываясь, вышел какой-то странный тип. Одет неприметно: расстёгнутая белая рубашка, тёмно-коричневые брюки и высокие сапоги. Чёрная цепочка туго обвивала шею, перекрутившись за спиной. Неопрятные полуседые волосы свисали, закрывая лицо. Подойдя почти вплотную к псу, он резким движением откинул волосы, неестественно уставившись на меня. Его глаза — тёмные, как сама ночь, обрамлённые глубокими тенями, словно он не спал неделями.

Мельком глянув на цветок в моей руке, он устало отвёл глаза. Молча перемахнув через перила, он спрыгнул на чей-

то стол. Посуда жалобно звякнула, но чудом уцелела, а незнакомец уже шагал к выходу. Посетители растерянно замерли, не решаясь остановить его. А он и не думал оглядываться. Подойдя к дверям, он пронзительно свистнул, и огромный пёс, будто сорвавшись с цепи, рванул с места, едва не сбив меня с ног. Хрупкая фиалка рассыпалась в руках, оставив после себя лишь сухой вопрос.

«Постой… Раз пёс его, зачем он вообще сигал через перила?» — мелькнуло в голове, но тут меня окликнул знакомый голос нижних столов. За столом сидел Дек, обложившись внушительными кружками с пивом и чем-то ещё покрепче. Рядом лежал раскрытый дневник, и, кажется, я уже понял его план…

— Ну, ты долго там будешь стоять?! — гаркнул он. Поймав на себе взгляды, он неловко прокашлялся и отпил из кружки.

Спустившись, я окинул взглядом заполненный зал. За дальними столами вовсю гуляли инквизиторы — элита имперской стражи. Их клеймённые сталью шлемы висели на спинках стульев, пока воины опрокидывали кружку за кружкой. Одинокий рубец на металле означал, что это всего лишь гастаты, новички в ордене, но бдительность терять не стоило. Не зря их кличут палачами империи.

— Ты сам заказал всё это добро? И зачем? — спросил я, осматривая стол с выпивкой.

Дек ухмыльнулся, потёр нос и выдал:

— И всё это благодаря хитрости Марка! Если бы он не прикинулся вечным!.. — Ему тут же прилетело от Флавии, отчего он едва не перевернулся вместе со стулом.

— Ты в своём уме? — прошептала Флавия, поднимая его назад к столу. — За языком следи, иначе нам прямо здесь кишки выпустят… — прошипела она, оглядываясь на инквизиторов.

— Проблемный ты парень, Дек… — заметил Марк, доедая завтрак. — Ну, у кого какие планы?

— Куплю трав у местных лекарей и разузнаю про здешнего грифона… — лениво ковыряясь вилкой, отозвалась София.

Я размял плечо — рука двигалась без боли. И, глядя на притихшую Софию, ляпнул первое, что пришло в голову:

— Спасибо, София… за ту ночь. Мне стало гораздо лучше.

За столом повисла секундная тишина. Марк медленно отложил нож, а Флавия замерла с кружкой в руке.

— Теперь понятно, кто там резвился… — выпалил Дек, прикрывая салфеткой кровь из носа.

— Ясно, — заключил Марк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.